

ВРЕМЯ **SUPER** ГЕРОЕВ

ВИТАЛИЙ СЕРТАКОВ

СВИТОК
ПРОКЛЯТЫХ

Время SUPERгероев

Виталий Сертаков
Свиток проклятых

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сертаков В. В.

Свиток проклятых / В. В. Сертаков — «АСТ»,
2016 — (Время SUPERгероев)

ISBN 978-5-17-096778-0

Если ты внучка Петербургской ведьмы и шестнадцатилетие ты встречаешь в палате смертельно больных, то твой единственный выход – тоже стать ведьмой. Женьке Бергсон предстоит вступить в бой с оборотнями и колдунами, попасть в зазеркальный магический Петербург и отправиться дальше, в глубины дивной планеты. Если ты сын хозяина древней Тавриды, твоей смерти жаждет император Золотого Рога и вождь готов, старец Германарикс, то твой выход – спуститься в изнанку вселенной в поисках Свитка Проклятых. Но тот, кто прочтет Свиток, по преданию, снова запустит часы прогресса в угасающем мире. Наши герои неминуемо столкнутся. И лишь чудо, взаимное робкое чувство спасет их от взаимного убийства. Теперь им предстоит разобраться, что появилось раньше – игра или целая планета. И кто же разработчик прекрасного, но дьявольски опасного мира?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096778-0

© Сертаков В. В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1. Месяц голода	6
Глава 2. Вестник	9
Глава 3. Яйцо и роза	12
Глава 4. Привратник	16
Глава 5. Стальные семена	20
Глава 6. Оракул	24
Глава 7. Месяц чумы	27
Глава 8. Конец географии	31
Глава 9. Сдвиг времен	36
Глава 10. Свора	40
Глава 11. Спасенный день	45
Глава 12. Игра в четыре лапы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виталий Сертаков

Свиток проклятых

© В. В. Сертаков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1. Месяц голода

Меня хотели убить задолго до рождения.

Первый крик я издал в месяц Голода, в четную ночь, когда у птенцов гарпий режутся зубы. Придворные хироманты угадали в этом дурной знак, ибо известно, что четные голодные ночи сильны женским колдовством. Повитуха макнула мою крошечную ладонь в кровь матери, и приложила к серому платку. Развернув платок, дука Андрус Закайя понял, что обрел наследника, и на радостях кинул гарпиям пленных хуннских вождей. По канону Херсонеса, белый платок младенцу не полагался, ведь моя юная мать не родилась в цитадели. Ее купили в горах далекой Ивирии за пять талантов самоцветов.

За год до того, отец похоронил очередного хилого отпрыска, исторгнутого гнилым чревом его супруги, благородной Авдии. Отец справил тризну и на три дня замолчал, ибо искренне горюет лишь тот, кто горюет без свидетелей. После завязал глаза седыми косами, зажал в зубах плетень, и на коленях вошел в пещеру весталок. Сколько ударов он вытерпел, не знает никто. Весталки предрекли, что наследника подарит женщина, от света которой Андрус Закайя вполовину ослепнет и которая не сможет разделить с мужем смех. Искать избранницу требовалось по ноздрям. Следовало порвать на части нижний хитон отца, и подносить эти куски самым дорогим девственницам из варварских родов. Та, чьи ноздри затрепещут и потянутся следом за запахом вельможного пота, достойна любых уплаченных денег.

Гадальщицы разбавили патоку надежды ложкой желчи. Тот, кто ждет доброго гонца, сказали они, дождется и худого. Отец не понял, он был согласен на все, лишь бы штандарт Закайя вечно блистал над воротами Херсонеса. Андрус позабыл, что всех нас ждет единая ночь, и с вечностью не стоит играть в кости.

Четыре посольства отправились в подмышки мира, туда, где лгут путеводные карты. Первое посольство погибло в хищных лабиринтах Двуречья. Привезли лишь трех прекрасных девиц, одну с медным, другую с песочным, и третью – с древесным оттенком кожи. Каждая из варварских княжон собрала лучшее, чем могла похвастать ее раса, каждая не понимала ни слова на языке империи, и никто, кроме книжников, не понимал их языка.

Шла война, с севера накатывались орды кочевников. Как верно замечено ромеями, крепкий мир достигается лишь войной. Император вновь даровал моему отцу жезл страстига, и два легиона пеших новобранцев, которым полагались земельные наделы на границах степи. Над куполами цитадели полыхали ведьмины огни, в ущельях жирели стервятники, рыба кидалась на берег, не в силах дышать кровью. Дука Закайя вернулся из похода без руки. Пока некроманты выращивали ему новую руку, дивная наложница с кожей цвета горчичного дерева, завяла и превратилась в щепку. Виновных не нашли. Отец снял кожу с палатинов, не сумевших ее сберечь. Остались две невесты.

Дука Закайя разделил ночи с той, чье лицо светилось, словно песок с берегов Дымного понта. Хранители времени четырежды спускали воду в недельных колодцах, но чрево престлестницы сжигало семя моего престарелого отца. Когда чужестранка начала смеяться шуткам господина, пятидесятилетний стратиг поверил автору «Илиады», изрекшему, что всякое прекрасное недолговечно. Дука понял, что проигрывает битву с вечностью. Доселе точно не известно, повинна ли в случившемся его первая жена Авдия из рода Авдиев, но недавно говорится, что женская месть подобна холодному блюду, что едят на третий день. Шпионы сообщали, что братья Авдии утром носили щедрые дары первосвященнику, а вечером заливали кровью жертвенные чаши. Скифские пастухи в таких случаях говорят, что хитрый телок берет вымя у двух коров. Что поделать, в отличие от дуки Херсонеса, у аристократов подрастали жадные до власти сыновья.

Андрус очень любил девочек, моих старших сводных сестер. Тем утром он умылся молоком, лично разжег курильницы у ступней Многоликой, и помиловал, осужденных на казнь воров. Дука послал за дочерьми, и двумя племянниками, взял их за руки, и поднялся на лобное место, перед обсидиановой статуей Быка. Желоба для стока крови пересохли впервые за много лет, народ трепетал, каменная глотка истукана гудела от жажды. Андрус не привык ждать, но терпеливо стоял, пока его бледная, прозрачная от гнева супруга не показалась на парадном балконе. Севаста Авдия скрипела зубами, ведь гнев от безумия отличается лишь краткостью. Дука говорил тихо, однако слова его свинцовыми каплями падали в уши горожанам. Его речь записывали три писца, языком плебса, рубленным слогом воинов и вязью Мертвой империи. Глядя в глаза супруге, наместник Таврии озвучил то, о чем боязно даже молчать. Если сеть колдовства упадет на его новую жену, обещал властитель, вечно голодный Бык напьется родовой крови Авдиев.

Как известно, буквы плебеев принято сеять слева направо, слога воинов глотают сверху вниз, как удар секиры, и только язык Мертвой империи ветвится, даруя ряды толкований. Так случилось и с речью моего отца, сохранившейся в дворцовой библиотеке. Гораздо позже, в ночь, когда мне зашили пуповину, хироманты сдули пыль с кожаных переплетов, поставили напротив страниц зеркало, и прочли в нем то, что не посмели передать вслух. Воистину, кто посмеет заявить льву, что пасть его зловонна?

Стратиг перевез уцелевшую наложницу в бастион Иллирус, родовое имение дедов. Башни Иллируса не отбрасывали теней, ведь из вечернего сумрака сучили пряжу весталки. На заре паутина, оплетавшая лабиринты стен, получалась столь прочной, что удерживала внутри кокона кусок времени. Таким образом, защитники бастиона всегда выигрывали день у любого неприятеля. Ворота крепости снес еще прадед прадеда Андруса, владевший заклинанием Лабиринта. К чему ворота, когда стены, высотой с мачту океанского парусника, змеятся и текут каждую ночь?

Закайя приставил к девушке немых служанок, и выпустил из подвалов женского двора мантикор. Едва дневной свет сменился тьмой, он выпил кубок мужской мандрагоры, положил под язык засахаренную ягоду и вошел к моей будущей матери. Как принято у новобрачных Херсонеса, он держал в левой руке единственное оружие – крошечный нож для шнуровки корсета. Едва властитель разрезал на груди моей будущей матери шнуровку, его глаза ослепило медное сияние. По коврам спальни запылали огни, так светилось в полумраке тело его возлюбленной. Сбылось предсказание – глаза стратига потеряли половину силы. Закайя попробовал развеселить жену, но чужестранка не улыбнулась ни одной его шутке. Ее ноздри дрожали, как у охотившейся пантеры.

Хранители времени дважды спустили недельный уровень воды, когда ушей стратига достигло мрачное известие. Опять война, восточная граница гнулась под ударами кочевников хунну, еще недавно поклявшихся беречь ворота империи. Когда степняки скормили мирный договор своим тощим свиньям, мой будущий наставник Фома осмелился побеспокоить отца на его личной войне. Послушай, дука, сказал книжник Фома, мы поручили волку стеречь наших овец. С большим трудом Андрус вырвался из медного плена, облачился в дубленую кожу саламандры, и убедился, что похудел почти вдвое. Андрус смотрел в Небесный глаз, внимал доносам нетопырей, зубы его скрипели. Стратиг наблюдал, как по дорогам и без дорог громяхают полчища хунну. Впереди везли заклинателей с зашитыми веками, ведь только слепцы способны приручить василисков. От мертвящего взгляда ручных змеев гибли птицы и осыпалась в прах степная трава.

Стратиг гонял вестовых, пригоршнями раздавал приказы, но мысленно оставался с той, что навсегда отобрала его смех и половину зрения. В день, когда отец покидал бастион, произошло то, что вначале приписали колдовству моей будущей матери. Лабиринт стен вне-

запно явил непослушание, и едва не задавил в гранитных жерновах кортеж властелина. На самом деле, лабиринт задавил наемных убийц, посланцев знати.

Но месть снова пришлось отложить.

Просвистела ледяной крошкой зима, наступил месяц Голода. Гонец из цитадели сменил трех коней, прежде чем перед ним засияли походные штандарты Таврии. К весне полки тяжелых катафрактов продвинулись далеко на север, но окончательно извести степняков не сумели. Стратиг Закайя допрашивал пленных вождей, когда ему подали серый платок с отпечатком детской ладони. Он возрадовался и скормил несговорчивых хунну гарпиям. Но радость дуки была недолгой, ибо следом за добрым гонцом из облака пыли явился худой.

Прознав о том, что родился наследник, хироманты поднялись в дворцовую библиотеку. Они поставили зеркало перед папирусами, и стали читать тайную вязь Мертвой империи задом наперед. Дука Закайя позабыл, как год назад, на форуме Быка отхлестал супругу короткой речью, каждое слово которой сочилось ядом. Яд пропитал полузабытый язык ромеев и вернулся новым смыслом, который никто из ученых не посмел озвучить.

Всего пара строк. Мой отец прочитал перевернутые строки, кинул послание в огонь и вышел из шатра, чтобы никто из турмархов, командиров железных полков, не видел его глаз. Андрус вспомнил то, что забыл в пещере весталок. У вечности всегда выпадают лучшие кости.

Вот они, строки.

«Если же не настигнет смерть Мануила Закайя, сына Андруса, до его совершеннолетия, то суждено ему вскрыть Свиток проклятых»

Я – Мануил Закайя, и вот главная причина, по которой меня хотят убить.

Глава 2. Вестник

Игла больно пульсировала в руке.

Женечка равнодушно разглядывала пузырьки в капельнице. Иногда она отворачивалась к темному окну. Там искрились морозные узоры и переливались блестящие шары на елочке. Пахучую красивую елочку принесли аспиранты, смотреть на нее совсем не хотелось. Во время утренних процедур Женечке стало почти все равно. Она знала, что после капельниц силы вернутся, но жизнь станет еще короче. А папа... лучше бы он вообще не звонил! При нем так трудно не плакать...

Где-то сипло дышала Галка. Еще в палате обитали Лиза и Дианка, но тех укутили смотреть телевизор.

И тут все началось.

... – Вам туда нельзя!! – взвизгнула медсестра.

Но рослая, смуглая блондинка ударила ее пальцем в горло, вторглась в палату и захлопнула за собой дверь. Потом она придвинула к двери кровать Галки вместе с хрипящей Галкой и ее капельницей. Потом одним плечом толкнула к Галкиной кровати шкаф. И подошла к Женечке, на ходу расстегивая мокрый кожаный плащ.

Женечка равнодушно следила за скуластой бандиткой. В дверь уже стучали.

– Евгения Бергсон? Праправнучка Евгении-Леопольдины Бергсон, Тайной Вожатой храма... – с непонятной почтительностью произнесла женщина в парике, и бережно водрузила на тумбочку толстый рюкзак. Слова она выговаривала слишком тщательно, акцент был явно не английский. – Извольте подняться, нам пора. Послезавтра суббота, а вы не прошли по Краю слов. Меня зовите Ольгой, я – ваш Вестник.

В дверь барабанили. Женщина нервно дергала себя за волосы, слишком белые, слишком блестящие для настоящих, смотрела ожидающе, жадно. Чем-то неуловимо она напоминала кошку. Наверное, после фразы про какой-то там ритуал и про вестника, Женя должна была как-то отреагировать.

– Вы меня пугаете, – прошептала девушка. – Пожалуйста, подвиньте Галю на место, она плачет. Здесь палата раковых, интенсивная терапия, мы все умрем. Вы меня спутали...

– Я? Спутала? – нахмурила черные брови Ольга. – Великолепно замечено! Прошу прощения, я могла бы спутать новобранца, но не Вожатого малого круга. Вставайте, сударыня, печать вскрыта, нас уже ищут!

Женька в ужасе помотала головой.

– Я никакая не Бергсон...

Гостья вздохнула.

– Что ж, проверим еще раз по компасу.

Из-под плаща она извлекла высокий деревянный ящичек, чем-то похожий на тубу, в которой носят чертежи. В ящичке оказался тонкий звенящий прибор. Между бронзовых колец быстро раскачивались маятники с зеркальцами на концах. Женечке показалось, что среди маятников шевелилось что-то живое. А еще... у нее вдруг возникло ощущение, что эту странную штуку она уже где-то видела, но не держала в руках. Может, в книге, или в кино?

– Вестник, мне трудно дышать, – вдруг произнес кто-то скрипучим детским голоском. – Ты держишь меня на сквозняке.

Скрипучий голос добавил несколько фраз на непонятном языке. Женечка скосила глаза. Голосок доносился из рюкзака!

Женщина скинула на спинку кровати плащ, осталась в широких кожаных брюках и мужском бесформенном свитере. Свитер явно связали вручную, грубо и криво; Женька

непроизвольно отметила, что бабушка никогда бы не натворила спицами таких ошибок. Ольга встала на четвереньки, и бережно поставила на пол прибор, который назвала компасом. Маятники с зеркальцами закачались чаще, а на полу вокруг основания прибора образовалась дрожащая желтая линия. Как выяснилось позже, получилась не окружность, а семиугольник. Семиугольник стал расползаться по полу, слегка вздрагивая, как живой, и расползлся, пока в него не попали тумбочка, кровать, Женечка и гостя. Компас непрерывно позвякивал, постанывал, похрустывал. Зеркальца шустро поворачивались, по вытертому линолеуму метались блики.

– Вы рождены под крик белой совы, и ваш отец пролил на вас кровь с вином? Ваша мать ушла из жизни, когда вы открыли глаза? Где ваши вещи? – деловито уточнила Ольга, словно речь шла о паспортных данных. Она откинула одеяло, бесцеремонно вывернула содержимое тумбочки. Явно что-то искала.

– Я не... – Женечка заткнулась.

Она родилась шестнадцать лет назад. В Стрельне, в удивительном, скрипучем бабушкином доме, а за кроватью роженицы, в клетке жил белый совенок. Так рассказывал позже папа. Мама кормила совенка с рук сырым мясом, он при этом смешно ухал. Когда фельдшерица стала кричать, и мама стала умирать, папа держал в руках стакан с вином. Он так сжал кулак, что стекло треснуло, и кровь брызнула на всех.

– Откуда вы знаете? – прошептала Женя.

– Ваша мать ушла, но не вы тому виной, это я тоже знаю. Те, кто шли по следу, надеялись погасить обе свечи.

После таких слов пациентка разом вспотела.

– Но моя мама умерла в родах...

– Разве ваша мать не оставила вам перо к вашим чернилам?

– Перо? К каким еще чернилам?

– Сударыня, молю вас, не притворяйтесь! – Ольга цепко схватила за руку, ее акцент усилился. – Вы ведь знаете, вы должны вспомнить, о чем я говорю!

– Не-ет... Ой, погодите, – Женька попыталась вырвать руку, но куда там! Сражаться с каменной клешней оказалось решительно невозможно.

– Покажите спину, покажите под мышками, молю вас! – ухитряясь оставаться вежливой, Ольга бесцеремонно ухватила пациентку за бока, задрала на ней пижамную куртку. – Не бойтесь же, он где-то здесь...

Женька слабо царапалась, но бандитка уже нашла то, что искала, утихомирилась, оставила курточку в покое. В дверь долбили в четыре руки. Галочка спряталась и дрожала под подушкой. Шкаф отползал, дерево трещало, но ручка не поддавалась. Кошмарная гостя каким-то образом закрепила или заклинила дверной замок, хотя Женечка со своего места видела – никакого замка нет. Эта двустворчатая дверь вообще никогда толком не закрывалась, створки свободно распахивались в обе стороны, чтобы могла проезжать каталка.

– Охрана где? – голосили в коридоре, потом донеслись мужские голоса: – Полицию зовите!

– Перо для ваших чернил, – гостя умоляюще плюхнулась на колени, – вы называете это родимым пятном. Прошу вас, мы проделали трудный путь...

В голове Женьки что-то сверкнуло, точно разбился елочный шарик. Внезапно она вспомнила – чернильница! То есть никакая не чернильница, а коричневая, странная такая штука, словно бы из очень твердого дерева, шершавый многогранник в бархатном мешочке, он хранился в маминой шкатулке под замком. Но папа... еще до того, как попасть в тюрьму, он называл эту вещь чернильницей, хотя чернила там наливать было некуда. Сидел как-то папа пьяный, тыкал в ту штуковину сигаретой, вспоминал маму и плакал.

– Когда к нам переехала Наташа, они с отцом поругались, и шкатулка... чернильница, она куда-то делась, – выдавила Женька.

– Куда-то делась? – женщина поморщилась, скороговоркой пробормотала несколько чужих слов. – Как можно терять самое важное, родовую память? Кто такая Наташа?

– Это папина... у папы тогда завелась новая жена.

– Жена? Эта женщина... вы уверены, что она все выбросила? Отвечайте, сударыня, это важно!

– Не знаю. Я всегда думала, что это... – Женьке стало вдруг стыдно, – что это подставка под чайник... тяжелая. А кто вы такая? Вы знали мою маму? Вы не можете здесь командовать.

– Вестник, малыши Привратника уже здесь, – тонко сказал рюкзак. – Они взяли след.

– Вы знаете, где живет эта Наташа? – наклонилась Ольга, и снова стала похожа на кошку.

– Ну... там и живет, где мы жили, за городом. Только теперь она там с новым мужем. Но она... она все захапала, и ничего не отдаст.

– Не отдаст? – усмехнулась гостя. – Молю вас, собирайтесь. Солнце не стоит на месте! – Женщина одним движением выдернула из Женечки иглу, оттолкнула капельницу, вытащила из-за пазухи пакет с серым, излишне волосатым свитером и такими же, как у нее самой, просторными грубыми брюками. – И прекратите задавать нелепые вопросы. Ваша соседка умрет, это верно. Но на ваш счет имеется иная вероятность. Если мы успеем.

В открытую дверь всю дубасили, Галка хныкала. Шкаф трещал, но не поддавался. До Женьки внезапно дошло, что трещит вовсе не шкафчик и не дверь. Сестры и дежурный врач ломились с той стороны прямиком в стену. Они не замечали, что вход рядом. Или видели привычную дверь совсем в другом месте! Хлипкая некапитальная перегородка скрипела и гнулась, при каждом толчке по бежевой краске бежали трещины.

– Я не знаю никакой Ле... Леопольдину... – выдавила Женька, зажимая струйку крови на локте. И тут же едва не поперхнулась. Откуда-то из памяти всплыла девичья фамилия бабушки, непонятная, то ли шведская, то ли немецкая. Похожая на Карлсона, живущего на крыше. И еще. Женька почти вспомнила, где раньше видела загадочный «компас». И то, что она вспомнила, было таким странным и нелепым...

– Евгению-Леопольдину, – поправила женщина, не слишком ловко запихивая Женькины ноги в короткие сапожки, тоже весьма странные, сморщенные, без каблуков, с острыми носами, – Наша ошибка состояла в том, что мы искали среди законнорожденных... Ваша прабабка была побочным ребенком. Можете гордиться, в ваших жилах течет кровь основателей Храма... Прекрасно, все сходится! – женщина закончила с обувью, быстро пошуровала в компасе, затем дернула молнию на рюкзаке. – Если вы не верите мне, послушайте Оракула.

Рюкзак распался надвое. Свитер в руках вдруг стал негнушимся и тяжелым. Женечка вдохнула, чтобы закричать, но воздух в легких превратился в густой песок.

Женька замычала от ужаса.

Глава 3. Яйцо и роза

В следующий раз убийц подослали в мой пятый день рождения. Говорят, страх имеет вкус дурного уксуса, а ужас – вкус ржавчины. Но я запомнил вкус мести. Он вызывал приторную сладкую дрожь, поэтому мой мудрый отец не позволил выпить слишком много.

Лазутчиков пытали, я глядел и слушал, и быстро пьянел.

Прежний самодержец Родион покровительствовал моему отцу. Сам он молился Звездному кресту, в столице каждой провинции сажал понтифика, но не врывался с плетью в мечты своих подданных. Потому жрецы Таврии без помех резали козлов и увивали гирляндами племенных истуканов. Однако, случилась беда, не сразу замеченная половиной мира. Багрянородного отравили на пиру, под аркой Триумфов провезли нового императора, и сны моего отца запахло уксусом.

На пятый день рождения мне поднесли говорящего сильвана – мальчика с туловищем коня, шахматы с крошечными живыми армиями Александра и Дария, детские доспехи, отлитые гномами Валахии, и много других забав. Среди груды подарков имелся заговоренный сундук с семью ключами. Сундук всякий раз отпирался иначе, потайные ящики играли мелодии, менялись местами, радуя взор чудесными картинами. Дарители рассчитывали, что только нежная детская рука сумеет пробраться в сердце головоломки, и там меня настигнет быстрая смерть. Убийцы не учли, что игрушки будет обнюхивать обученный черный карлик. Много лет назад соплеменники швырнули колдуна в пасть нильским крокодилам, но мой отец его вытащил. Вытащил без причин, как ему тогда мнилось, хотя без причин не родятся даже мухи. Безусый Андрус Закайя в то время командовал турмой в разведке будущего императора Родиона, его бешеные всадники вдыхали знойные миражи, и складывали холмы из черепов номадов. Спустя тридцать лет нубийский карлик вернул долг дуке Закайе. Тонкой черной рукой он вскрыл потайные ящики головоломки, и вместо меня рассыпался глиняной куклой.

Той же ночью меня вывезли из Херсонеса в родовой бастион. Знатных псов допрашивал мой наставник, некромант Дрэкул, муж великой учености. Впрочем, имя он менял каждый месяц, чтобы враги не успели сложить ядовитых стихов в его честь, а настоящее имя, по обычаю валахов, хранил пернатый змей, спавший в снежном сердце Дакийских гор.

О наставниках следует упомянуть особо.

Их полагалось четверо, по числу башен в бастионе Иллируса. Евнух Исая, формой бедер схожий со спелой грушей, ростом с городских глашатаев, розовый, безбородый и круглощекий. Он пел со мной на семи наречиях, разрубая палестинскую неделю на семь запахов и столько же цветов. Про понедельник не скажу ничего, это потайной день. Я не слишком жаловал трудный вторник, день чужой истории. По средам гортань болела от скифских фраз, острых, как удар бича, и галльских рифм, после которых хотелось выплюнуть песок. К счастью, за средой наступал четверг, окрашенный золотом императорских кладовых. По четвергам мы упражнялись в дворцовом красноречии и сообща тонули в дебрях латинского этикета. Пятница благоухала гранатом и молодым вином, расцветал округлый язык моей матери, где даже слова палачей кончаются на нежные гласные. По субботам мы читали страгегикон, начертанный имперской вязью ромеев, мои ноздри вдыхали дым триумфов и звон серебряных колесниц. Исая редко хвалил, он любил повторять, что лучшая похвала исходит от того, кому ты не сделал ничего хорошего.

Вторым наставником был книжник Фома, сухой червь, скомканный в тысячу морщин, наизусть читавший книгу ремесленных гильдий. О нем шептались, что Фома способен жить без пищи, лакая соки новых указов и нотариальных сделок. Покупай не то, что нужно, твердил мне Фома, а то, что необходимо. Над поговоркой бедняка посмеялись бы

даже конюхи моего отца, но мне подобные наставления помогли выжить. Наверняка, нанимая Фому, Андрус Закайя мечтал, что его сын не остановится на посту наместника окраинной провинции. Но игральные кости вечности выпали иначе.

В коридорах воинской башни с мальчиком занимался кир Лев Закайя, мой дядя, командующий флотом. Черноволосый, но седоусый, как часто бывает с теми, у кого на руках умирали друзья. Воин без капли сала под кожей, с плечами дубовыми, как жернова. Десять лет мы разговаривали с ним на языке железа. Все, что умеет мое тело – заслуга кира Льва. Он будил меня свистом меча, повторяя, что бояться следует тихой реки, а не шумной. Первый год бил клинком плашмя, пока мое тело не научилось просыпаться до удара. Как ни странно, именно дядя, а не пышнотелый книжник Исая, научил меня одинаково любить друзей и врагов. Я полюбил фракийцев за искусство ходить по воде, черных гигантов Нила – за дерзкие игры со львами, персов – за укрощенный ветер в лезвиях колесниц. Я полюбил даже степняков хунну за умение спать в седле бегущего жеребца. Благодаря киру Льву, я все еще жив.

Когда загорались звезды, в подземелье будущего правителя Херсонеса ждал некромант Дрэкул. Будем называть его именем, которым наставник укрылся на мой пятый день рождения. Некоторые прозвища мага полностью меняли естество, и порой в подвалах бастиона подмастерья потели от близости женского аромата. Вместо прически Дрэкул украшал лоб и виски защитными письменами, а на затылке его спал искусно нарисованный глаз. Письмена на бритой голове наставника менялись, лишь глаз оставался неизменным, закрытым, ибо наблюдал не то, что вовне головы, а совсем наоборот. Был наставник худощав, легконог и почти бесшумен. Я не стану доверять языку плебеев то, чему научил меня этот человек без пола и возраста. Он был единственным, кто мог покинуть бастион по воздуху, а вернуться под водой. При старом деспоте Родионе темное искусство находило себе уют в любом полисе империи, но времена менялись.

– Времена меняются! – простонал распятый на дыбе вельможа, один из тех, кто подарил мне чудесный отравленный сундук. – Скоро явится спаситель и расколет вселенское яйцо!

– Время неизменно, – возразил кир Дрэкул, выслушав жалкий плач убийцы.

– Вам не спрятать мальчишку от гнева черни, – прокричал второй убийца, родовитый всадник из рода Авдиев. – Тебе ли это не знать, отродье тьмы? Или не слышал, чем кончаются поиски пустоты? Ничего, скоро и ты спляшешь танец на углях, Звездный крест приближается, сбудутся пророчества!

– Вы вечно так поете, когда надо кинуть толпе жертву, – зевнул Дрэкул, перебирая раскаленные щипцы.

– Род Закайя подохнет в муках, – подхватил распятый, выдыхая кровь. – Спасутся лишь истинные слуги, хранившие яйцо от нечестивых!

– Нет никакого яйца, – мрачно хохотнул кир Дрэкул, и облил раны нагих пленников кипящей солью. – Что вы видели, скарабеи, кроме своих гаремов и розовых купален? Тысячу лет назад моим предкам в Дакии было ведомо, что мир скручен бутонем, и знание это никому не мешало. Если бы вы потрудились оторвать зады от своих шелковых перин, и прекратили бы спорить о тени осла...

Лохмотья на дыбе вопили, пока не осипли. Они не скрыли, кто им заплатил. Дуку Закайю не удивляло, что его сына мечтали вернуть в глину, однако причина его потрясла. Андрус готовился выжечь гнездо Авдиев, он желал борьбы с враждебными кланами, но что он мог возразить глупым суевериям?

– Ты, проклятый чернокнижник, ты пожалеешь, что сам не прикончил ублюдка Закайи... – прошипел третий убийца, еще недавно лъстиво трепавший мне кудри. – Отодвинуть засов может святая рука, но никак не мерзкий язычник!

– Отчего же вы так боитесь ребенка, если Свиток не существует? – спросил кир Дрэкул. – Многие пытались войти в эту дверь, но не сдвинули створки даже на волос.

Я ничего не понимал.

– Яйцо и бутон розы, дебаты глупцов, спорить с вами, что доить козла, – тонкие губы некроманта изогнулись так, что слева, с той стороны, где сидели мы с отцом, это была улыбка, а справа, там, где над огнем корчились пленники, явилось нечто иное, что я не хотел бы видеть.

– Свиток послан нам во искушение, дабы соблазнились слабые в вере и прельстились язычники! – прохрипели убийцы.

– Застывшее яйцо и распускающийся во тьме цветок, вечный забавный спор, – мой наставник хрустнул тонкими пальцами, всегда затянутыми в перчатки. Про его кисти слуги шептались, что это вовсе не руки человека, но проверить никто не решался. – Дука, ты помнишь второй Аксумский поход?

– Еще бы, – отозвался мой отец. – Царь Аксума выпустил из гробниц химер, в схватке с ними я потерял три банда лучших всадников! Если бы не искусство твоих братьев...

– А я потерял брата Мирчу, – снова хрустнул суставами некромант. – Но нынче речь о живых. Вы трое... – он повернулся к убийцам, – вы не жили с рабынями, которых вам запретил ваш Спаситель, а мы со стратигом вместе спускались в нильские гробницы. Вы кричите о каменном яйце, в котором заточен наш мир, а мы видели на стенах гробниц цветок. Я разбудил засушенное тело одного из царей древности, это было трудно, это потребовало крови молодых рабов, но я это сделал. Мы с трудом поняли его речь, ее звуки завяли прежде, чем родилась старая ромейская империя. Тем не менее, одно послание мы перевели. Цветок мироздания туго сжат, он спит перед рассветом, подобно морской раковине. Он спит и плывет в глубоких водах бытия, течение времен кружит его, и возвращает обратно. Роза не раз распускалась, и всякий раз смельчаки искали Свиток, а завистники проклинали тех, кто способен его прочесть. Но неизменно рождаются те, кто ищет истину. Так назначено богами. Вот что высечено на стенах нильских усыпальниц, и каждый может проверить мои слова.

– Вход в гробницы засыпан, – вставил мой отец. – Пришлось бы вынуть пять локтей песка, но послания древних нетронуты.

Пленники замерли. Их вера пошатнулась. Сквозь мучительную боль они разглядели край истины, и то, что за краем, ослепило их. Но для врагов Закайи игра закончилась. Кир Дрэкул плотнее затянул тесьму капюшона, поднял с жаровни узкий голубой меч и отсек убийцам головы. Голову предводителя он поднял за волосы и поставил в чашу с женской мандрагорой. Черная жидкость вспенилась.

– Закайя, твоему ублюдку все равно не жить, – оторванная голова плюнула кровью. – Ты не сможешь всю жизнь его прятать под хитом!

Когда мы покинули зал Правды, отец прижал меня к груди.

– Кир Дрэкул, что такое Свиток Проклятых?

Я задрал голову и попытался заглянуть в сумрак, клубившийся под капюшоном. Позже я никогда так не поступал, но пятилетнему ребенку многое простительно. Некромант ответил в манере, которая позже приводила меня в ярость. Любой его ответ рождал дюжину новых вопросов.

– В дебрях галльских ущелий прячутся низкие люди, именуемые еще кобольдами, – произнес кир Дрэкул. – Возможно, о них бы забыли, если бы не алмазы. Говорят, кобольдам требуются самые большие и крепкие алмазные сверла, какие могут выточить на поверхности. Они веками покупают инструмент... им нравится копать все глубже. Но... говорят, что однажды искрошились даже сверла из лучших алмазов.

Кир Дрэкул скользнул в сторону и растворился среди мерцания факелов. Андрус все еще держал меня на руках, я слышал, как бьется его суровое сердце.

– Отец, при чем тут низкие люди?

Андрус помолчал. Он все еще пытался сберечь меня от неизбежного.

– На всей земной тверди нет материи крепче алмаза, сын мой. Но что-то лежит ниже тверди. Ты увидишь. Когда придет время.

Глава 4. Привратник

– Обещайте, что не будете кричать, тогда я сниму запрет, – смуглая бандитка держала пальцы в горсти перед Женькиным лицом, словно собиралась посолить суп.

Женечка могла только кивнуть. Ей показалось – у страшной гостьи чересчур мужские руки и пальцы, слишком грубые даже для мужских рук. А мужских рук за последний год Женечка навидалась, и почти привыкла их не стесняться. Дядьки в белых халатах трогали, похлопывали, утешительно гладили, иногда очень больно ощупывали. Женечка даже научилась без слов, по одним касаниям, угадывать настроение заведующего отделением, других врачей, и даже интернов.

Но пальцы Ольги отличались. Кожа была не просто загорелая, а изначально темная, ногти казались слишком острыми. Вестник, похоже, обходилась без лака, да и вообще без всяких украшений. Если не считать мелких татуировок, и странного деревянного креста на шее, где вместо верхней части столба была вырезана вытянутая петля.

Ольга щелкнула пальцами, открыла ладонь, будто выпустила в полет божью коровку, и Женька тут же смогла нормально дышать.

На тумбочке стоял вовсе не рюкзак, а имитация рюкзака. Брезентовая ткань прикрывала большую птичью клетку, в каких обычно дарят попугаев. В клетке, в позе будды, сидел крохотный слепой мальчик. На первый взгляд ему можно было дать лет шесть, хотя без сомнения, Оракул прожил гораздо больше шести земных лет. Тяжелая дынеобразная голова ребенка опиралась на подушку. К его некрашеной льняной рубашке, крупной медной булавкой был приколот пустой рукав. В единственной руке мальчик держал живую трепещущую птичку. Мертвые глаза мальчика походили на узелки, как делают новорожденным в пупках.

– Это она, – жестяным голосом произнес Оракул, и с видимым удовольствием впился острыми зубками в бок живого снегиря. – Вестник, караульные близко. Позволь, я сломаю им ноги.

– Не теперь, – засмеялась чему-то гостья.

Женя набрала в грудь воздуха, не отрывая глаз от несчастной окровавленной птички. Но сама лишь каркнула, как полузадушенная ворона.

Дверь в палату распахнулась. Глебова кровать покатила боком. Шкаф со скрипом завалился, теряя содержимое: коробки, банки и журналы. Едко завоняло лекарствами.

Женька была уверена, что ее спасут врачи и сестры, но в палату ввалились незнакомые люди. Сперва двое здоровенных мужчин в свободных костюмах, с неуловимыми, словно вытянутыми вперед лицами. За ними щуплая женщина в объемной шапочке, какие носят обладатели дрэдов, в глухом, как красноармейская шинель, пальто и прилегающих к щекам темных очках. Впервые в жизни Женя видела вогнутые стекла очков.

Все трое где-то промокли насквозь, но, похоже, их это нисколько не беспокоило. Несмотря на габариты, мужчины перемещались стремительно. Женьке показалось, что у них необычно широко расставлены глаза, по-борцовски короткие шеи, и как-то неудобно вывернуты локти. Мелкая женщина в шинели зашипела и выкинула вперед тонкую ладонь в перчатке. В широком рукаве ее шинели что-то двигалось, похожее на светлый мохеровый шарф. Шарф конечно не должен сам ползать по человеку, но и ребенок-инвалид не должен сидеть в клетке!

– Привратник, не надо, – простонала Ольга.

Тонкая тетка в очках показала острые зубы. По сравнению с Ольгой она казалась малюткой, но как-то сразу стало ясно, кто тут главный и кого следует бояться. Мальчик в рюкзаке подавился, закашлялся, брызгая птичьей кровью.

Первый мужчина зарычал и прыгнул. Женька на минуту забыла о своих страданиях, капельнице и мертвом снегире. Она прилипла к спинке кровати, изо всех сил сжав колени, чтобы не обделаться. Просто так высоко и с места прыгнуть ни один нормальный человек бы не сумел. Пиджак на квадратном дядьке раздулся парусом, ноги вывернулись в коленках назад, галстук сбился в сторону...

Он пролетел метра три и со всего маху врезался в пустоту. Его приятель тоже прыгнул, и... повис, словно запутался в стенке из прозрачного клея.

Они застряли на границе слабо светящегося семиугольника, очерченного компасом, скалили зубы, бормотали непонятные слова, но ничего не могли поделать. Их лица быстро менялись. Женьке казалось, что она видит их небритые физиономии сквозь толстое кривое стекло. То слишком волосатые, то вполне приличные.

Женщины молча смотрели друг другу в глаза. Ольга держала руку за спиной.

— Ольга, так нельзя, канцлер будет недоволен, — без злобы сказала острозубая в массивных вогнутых очках. — Мы все равно бы тебя догнали. Вам просто повезло. Здесь это называется «дорожные пробки».

— Вы бежали прямо по крышам моторов? — улыбнулась Вестник. — Наверняка, местные баяны теперь сложат легенду.

— От караульных спрятаться невозможно, — прошипела мелкая, ее речь вообще изобиловала шипящими звуками. — Что ты будешь делать теперь? Ветер дует, скоро солнце заглянет в скважину!

Женька сжалась в комочек. Она подумала, что никакое солнце не может заглянуть в скважину вечером, да еще в конце декабря. Мужчины, похожие на зверей, хрипели, угодив в невидимую ловушку. Мальчик в рюкзаке похрустывал птичкой. Сосед Глебка на соседней кровати спрятался с головой под одеяло. В коридоре шумели, похоже, вызвали охрану из главного корпуса. Обе створки двери опять свободно покачивались на петлях, но с той стороны вход был запечатан. Женя на секунду удивилась, откуда-то всплыло это слово — запечатан.

— Я заберу девочку с собой, — заявила Ольга.

— Это безумие, — сказала та, другая. — В ней нет воли. Она погибнет сама и погубит храм. Прежде те не могли ее обнаружить, но теперь ее наверняка найдут. По твоим следам. По нашим следам. Ветер дует.

— Храм искал ее четыре года... — Ольга нехорошо улыбнулась. Откуда-то из-за спины она извлекла металлический серп, похожий на расчерченную письменами улыбку. — Привратник, прошу тебя, убери зубастых.

— Она все равно покинет тело, — женщина в шинели тронула очки, но не сняла. Однако ее невинного жеста оказалось достаточно, чтобы Ольга съежилась и предостерегающе подняла серп. Конечно, это был никакой не серп, скорее коготь, но как он действует, Женечке вовсе не хотелось знать. Девушка вздрогнула, наткнувшись взглядом на пустые темные окуляры. В глубине каждого что-то сужалось и расширялось, точно никак не могла настроиться диафрагма.

— Дивно наблюдать твою робость, Вестник. Ты ведь не сомневалась, взламывая печати, а теперь твое сердце вдруг затрепетало. Девочка слаба духом. Вестник, она примирилась со смертью. Она ничего не делает для жизни. Она не сможет остановить мальчишку. Нам надо думать о спасении того, что можно спасти.

Ольга покачала серпом. На зеркально-голубом лезвии вспыхивали и гасли неведомые письмена. Со своего места Женечка никак не могла разобрать, существует ли у серпа ручка, или это на самом деле коготь, выросший вдруг из пальца Вестника.

— Есть небольшая вероятность, что она не умрет, — скрипнул слепой мальчик в рюкзаке, и вдруг закашлялся. По его розовому подбородку стекала кровь снегирия. — Она вполне

может вырасти до Тайной Вожатой. Если захочет победить свою боль. Если полюбит жизнь и борьбу. Она прикончит того, кого мы ищем, если перешагнет через себя. А вот я точно сдохну, если пробуду в этом смраде еще час.

Женьке показалось, маятник на полу застучал громче и быстрее. Блестящие маятнички мелькали как спицы в бабушкиных руках. Светилась желтым не только ломаная линия на полу, все ярче и сильнее светился воздух до потолка, во всей высоте запертого семиугольника.

– Мы все погибнем, если враг соберет силы, – пожала плечами Ольга. – Но, Оракул, есть дела важнее нашей смерти, не так ли? Привратник,пусти ее, прошу тебя. Если она не справится...

– То все равно ей конец? – хмыкнула хозяйка псов. – Но даже если это жалкое существо и есть настоящая Вожатая... как быть с Факелоносцем? У мальчика сильная кровь, и кроме того, он укрыт магией. Ради кого мы рискуем жизнью?

– Путь его отмечен трещиной. Ось сдвинулась, Оракул легко поймает его след, – торопливо пообещала Ольга.

– Щенок опасен. Таким трудно жить среди мышей, – быстро сказал Оракул. – Его факел слишком яркий, мешает спать.

– Привратник, если ты мне поможешь, мы обе заслужим благодарность, – улыбнулась Ольга. – Прошу тебя, дай нам уйти.

– Если ты проиграешь, нас ждет... сама знаешь, что, – без прежней уверенности, заявила хозяйка оборотней. Скрывавшая прическу шапка на ее голове чуточку шевелилась.

Женька беспомощно переводила взгляд с одной ряженой бандитки на другую. Пришло время принять лекарства. Если не сменить капельницу в ближайшие полчаса, станет плохо, невыносимо плохо. Но Женька не кричала и не рвалась к двери, она даже почти перестала замечать обоих горбатых мужчин, щеривших зубы из-за желтой границы. И мальчик в рюкзаке уже не казался таким страшным. Он, конечно, не тянул на нормального, но жить рядом можно. А жить очень хотелось.

– Если мы сдадимся сейчас, мы проиграем заранее, – Ольга уже не улыбалась, по ее виску скатилась капля пота. – Привратник, сквозняк усиливается.

Женька внезапно догадалась, что компас не просто так стучит на полу. Соперницы вели милую беседу, и непрерывно испытывали друг друга на прочность. Очень может быть, Вестник терпела сильную боль, пока ее магический прибор держал круговую оборону. Но ее силы имели предел...

– Если Вожатая не погасит факел мальчишки, я сама принесу ее голову и сдам на милость канцлера, – добавила Ольга.

– Погасить факел... вы хотите сказать, я должна кого-то убить? – очнулась Женечка. – Но это грех. Я не смогу никого убить.

– Следует забыть слово «грех», – добавил оракул. – Тебя пугает, что я слепой? Но благодаря своей слепоте я вижу. Тебя пугает, что я карлик? Меня носят другие, это проще, чем самому натирать мозоли. Отдай то, за что ты так цепляешься, и получишь вдвое больше.

– Но... у меня ничего нет. Кроме... – Женечка побледнела. До нее вдруг дошло, что последние фразы уродец произнес, не открывая рта.

– Вот именно, – кивнул оракул. – Ты веришь, что скоро умрешь. Потому что так сказали старшие. Ты веришь, что нельзя допустить грех. Так тоже сказали старшие. Улавливаешь закономерность? Заткни уши и слушай себя. Ты умрешь, если будешь дальше верить в обман. Как ты поступишь, если убедишься, что никакой опухоли нет? Как ты поступишь, если убедишься, что старшие тебе наврали? Разве не разумно после такого обмана прекратить верить старшим?

– Смотрите, вам знакома эта вещь? – Ольга протянула Женечке чернильницу.

Та моментально узнала ее, хотя не видела лет семь или восемь. С тех пор, как сволочная Наташа почистила ящики письменного стола. Тяжелый семигранник, вырезанный словно из потрескавшейся слоновой кости, со скважиной по центру. Между углами шкатулки проходила едва заметная щель. Женя вспомнила, как папа возился с пилочкой и ножом, пытаясь вскрыть загадочную мамину игрушку. Но заставить грани двигаться он так и не сумел.

– Это не ваша, вашу вы сразу бы одолели.

– А вот и неправда, – Женя почти обрадовалась, что может хоть в чем-то поспорить. – Я с ней сто раз играла, когда была маленькая, и не смогла.

Женька вдруг поймала диковатую мысль, которая прежде от нее ускользала. Все происходящее этим вечером походило на сказку... но при этом на сказку немножко механическую, что ли. Как будто ходишь по комнате, заполненной разными странными предметами, и надо взять верный, и что-то с ним сделать, и тогда откроется дверь в следующую комнату...

– Вот именно, маленькая. Вы сами ответили на вопрос, – улыбнулась Ольга. – Оракул, как думаешь, это мачеха постаралась?

– Если так, многое проясняется, – прокрихтел малыш. – Евгения, наверняка мачеха заползла в постель к твоему папаше чуть раньше, чем у тебя пошла первая кровь? Она была сладкая и добрая, зато твой отец стал грубым и злым, так? Чернильница пропала с глаз, так? Потом твой отец стал пить, а Наташа его спасала? Он поджег чужое имущество, или потратил казенные деньги, а Наташа его, вне сомнения, пыталась спасти? Наташу все жалели, так?

– Он не потратил, – Женька почувствовала, как щеки становятся горячими. – Там была эта, как ее... недостача, его обвинили, но это неправда!

– Само собой, неправда, – без тени иронии согласился Оракул. – Такая же ложь, как ваша смертельная болезнь.

Женьке хотелось сжать виски, и встряхнуть мозги, со всей силы, чтобы вырваться из лабиринта.

– Евгения, мы не позволим вам себя убить, – великанша обернулась к щуплой соседке, – Привратник, она просыпается, она проснется.

Несколько мгновений Привратник раздумывала, затем щелкнула пальцами. Мужчины в костюмах отлипли от невидимой границы, и тихо встали у нее по бокам. Точно два охранника, спокойные и аккуратные.

– Именем Храма, объявляю тебе мир.

– Мир, – откликнулась Ольга.

Обе посмотрели на Женечку. Холодно и твердо, как на распластанную под микроскопом, лягушку. Оракул выплюнул птичью голову и сообщил:

– Сегодня кто-то из нас умрет.

Глава 5. Стальные семена

Еще не проклюнулись стальные семена, посаженные в горячий пепел моим отцом, когда на Орлином перевале заморгали сигнальные костры. Заклинатели хунну зализали раны, укрывшись за вечно тлеющим берегом Мэотийского Понта. Недаром сказано, что золото ломает и стальные ворота. Хунну дождались подкреплений, посулами и краденными драгоценностями они купили дружбу персов, наших исконных врагов.

Дука Закайя сам проверил, как сидят на сыне чудесные валахские доспехи. Мне шел десятый год, я вырос вдвое, но гибкий панцирь вытянулся вместе со мной. Короткий меч по ночам звенел от голода, а щит я научился метать так, что разрубал им в полете утку.

– Эгемон, твой сын еще слишком юн... – пробовал протестовать евнух Исая.

– Для пути самое длинное – это ворота, – напомнил ему отец.

– Дука, пардус нападает спереди, а трусливый пес – сзади, – нашептывали хироманты. – Остерегайся родичей...

– Мой сын не родился командовать гаремом, – засмеялся дука.

– Если он умрет, убей и меня, – просто сказал брату друнгарий Лев.

– Буря не трогает малые деревья, – серьезно ответил дука. – Она вырывает с корнем и ломает лишь высокие.

– Эгемон, держи сына вдали от теплой воды, – произнес непонятную фразу склавенский гадалщик, волхв Неждан. – Берегись больной отроковицы, не позволяй ей целовать ключицы твоего сына.

Отец нахмурился, придворные лъстиво рассмеялись. Как можно утонуть в летних степях? Даже Мэотийское море, за которым окопались хунну, кони проходили, не замочив всадников.

И разве можно представить, чтобы сына дуки целовала какая-то больная девчонка? Кто ее ко мне подпустит? Даже моя мать лишь единожды обняла меня. У воинов ее народа существовал простой обычай – мальчик следовал в поход за отцом, если мог без стремени взобраться на коня. Я же третий год легко засыпал в седле.

Стратиг выстроил войско в масляной долине, между Орлиным перевалом и хребтом Плакальщиц. По центру, как положено, стояли тяжелые skutаты, до колен укрытые кольчугой и зубастыми щитами. Глубина первой линии достигала двенадцати рядов. Блистали шлемы, увенчанные султанами конского волоса, сияла сталь наколенников и латных рукавиц. По флангам разместились лучники в кожаных куртках, пращники и копьеметатели, набранные из ополчения.

Вторую линию образовала самая грозная сила – конные катафракты. За спиной каждого висел круглый щит, украшенный гербом Херсонеса. Плащи и попоны коней раздвигались по цветам трех полков, квартировавших в цитадели. Первые ряды лошадей были закованы в шипованные латы. Всадники держали копья и палаши, задние ряды готовились натянуть луки.

Отец не делал смотр войск, пока из Алустана и Горзуита не подошли резервные легионы. Отрядами дальнего охранения, которым назначалось брать врага в клещи, командовал турмарх Авдий, давний соперник Закайи. Единорогов привел кир Леонид, человек, чудом избежавший мести отца. Он громче других кричал на синклите про Свиток и незаконнорожденных выскочек. Однако конюшни и посева стальных зерен он содержал в образцовом порядке.

– Эгемон, свежие ростки только проклюнулись, – напомнил он, кривя щербатый рот, – мои хироманты советуют ждать месяца Чумы, тогда мы ударим всей силой!

Кир Леонид не лгал. Если бы император не отобрал весь прошлый посев для войны с халифатом, у нас хватило бы единорогов, чтобы перекрыть перешеек.

– Ты говоришь, как отважный муж, – скрывая ехидство, отвечал Андрус Закайя. – Однако свинья и во сне видит ячмень. Степняки не станут ждать, пока мы соберем жатву.

В глубоком тылу стратиг расставил колесницы с сифонами, снятыми с боевых кораблей. Друнгарий флота Лев Закайя пожертвовал половину живого огня, оголив столицу с моря.

Повинуясь барабанам сигнальщиков, армия пришла в движение. Земля дрогнула под единой поступью тысяч. От воя голодной стали у меня в теле запела каждая жила. Отец улыбнулся, он доверил мне нести личный штандарт. Когда передовые полки втянулись в ущелье, на рукавицу вестовому сел орел с известием. Добрую новость мгновенно разнесли по нумериям, солдаты встретили ее радостным ревом. Сам император в далеком Золотом Роге смотрел в Небесный глаз, и уже отдал приказ выслать на помощь сорок дромонов. Еще двадцать дромонов, набитых ополченцами, спешили из Порты. Из Трапезунда летела тагма свирепых грифонов. Дука Закайя повелел передать трофееносному, что припадает к его стопам и восхищается прозорливостью владыки. Но мне отец сказал иное.

– Удобно бросать камни в злодеев с верхних этажей, сын мой. Золотой Рог берегут сорок тысяч копий, еще столько же воинов на кораблях, и вдвое больше наемников из числа нелюди. Столица как всегда избежит крови. Если готы не выставят нам в помощь своих псов, Мэотийское море нам не удержать.

Мне исполнилось десять, но моими забавами были отнюдь не крашенные лошадки и деревянные топоры. Едва открыв глаза по утрам, я видел живую карту империи, и находил на ней изменения. В битвах с наставником я замечал проигравших стратигов прошлого, впитал их ошибки, их глупую спесь и нелепую отвагу. Я рано усвоил, что правит спокойно не тот, кто сидит на остриях копий, а тот, кому поют гимны на площадях.

– Но старец Германарих – наш враг, – в споре с отцом я невольно произнес имя вечно-живущего, которым пугали младенцев от вершин Армениака до галльских чашоб.

– Готы наши враги, но не сегодня, – Андрус поднял палец, и шесть тысяч солдат пришли в движение. – Я снял кандалы с дюжины его князей, я предложил ему крепость Тарс в нижнем течении Дуная. Если старец не выступит с нами заодно, хунну прорвутся в Таврию, и обратят в пепел всю пшеницу, которую так ждет император. Как заметил великий, жребий брошен.

Речь Андруса не всем пришлись по нраву. Слова уже готовились вывернуть наизнанку и обвалить в грязи. Я ощущал затылком ропот вельмож. Но правда, как хорошее зеркало, отражает лишь одной стороной. Невозможно не замечать сотен торговых кораблей, приседающих в волнах, набитых до отказа. Суда Херсонеса дважды в год увозили в Золотой Рог пшеницу, масло, кожи, вина и прочие товары, в которых так нуждалась империя.

На третий день марша рычащая туча скрыла свет. Это садились на скалы грифоны Трапезунда. На каждом по три наездника. Наши воины на всякий случай укрылись щитами, зубы на которых скрежетали и впустую грызли воздух. Для них ведь нет разницы, свой или чужой. Дука Закайя угостил соратников в своем шатре. Стоя в седле, я крепко сжимал отцовский штандарт. Проходя мимо, гордые портийцы салютовали. Уставшим грифонам кинули сотню баранов.

Едва запылал Звездный крест, хироманты вскрыли печень черного быка. Известия не порадовали стратига. Хунну применили новое колдовство. Мэотийский Понт стремительно мелел, превращаясь в зловонное болото. Легкая конница степняков получила преимущество, дромоны Льва Закайя не могли ударить с юга через пересохший пролив.

Человеку даден один рот, но два уха, чтобы больше слушать, нежели говорить. Андрус Закайя собрал совет и выслушал всех. Я смеялся, не разжимая губ. Слишком хорошо я знал

своего отца. Как и следовало ожидать, он поступил вопреки смыслу. Он приказал наступать ночью, раскинув резервные полки на три полета стрелы.

Когда алая заря лизнула плюмажи всадников, мы увидели врага. Надвигалось бескрайнее серое полотно, вскипающее, заполнившее морской горизонт. Ханы кочевий ждали от нас глухой обороны, но просчитались. Грифоны ударили плотным трезубцем, оставляя в туче конницы глубокие рваные борозды. Грифонам завязали глаза, чтобы избежать мертвящих взоров василисков. Первые ряды skutatov метнули копья и выставили щиты. Загрохотали барабаны. Гвардейские нумерии перестроились в острые клинья, пропустив сквозь себя бешеную конницу хунну.

В бой вступили наши всадники. Кони по щиколотку вязли в грязи, черный дым стелился над горящим тростником. Нумерии дрожали, но сдерживали натиск. Войско кочевников вздымалось над передовыми фалангами, как морские валы. Они бились, и откатывались, осушая болота сотнями трупов. Не нами сказано, что война есть родитель всего, но в тот день родитель был воистину жесток.

Отец приставил ко мне шестерых, чтобы защитить штандарт. Мне пришлось поднять щит. Спустя короткое время его стало трудно держать, из-за веса воткнувшихся стрел.

Запели трубы, но единороги не могли пробраться через глубокую грязь. Зато вперед двинулись колесницы, в которые впрягли по шесть закованных в латы коней. Они обходили противника широким полукругом. Андрус Закайя ждал под белым флагом, вражеские стрелы втыкались вокруг него колючим частоколом. Некроманты без усталости творили заклинания, спинами ветров оберегая ставку от опасностей.

Наш левый фланг был смят, легкая пехота отступала, теряя дротики и остатки мужества. Андрус ждал. Конь под ним фыркал и кусал шипы на грудных латах. Моих ушей достигла переливчатая дробь, барабанщики отдали приказ резервным полкам. Турмарх Авдий пустил две тысячи свежих солдат сквозь ряды отступавших, измотанных пехотинцев. Не успели еще доложить о бегстве на правом фланге, как вдали полыхнуло.

Друнгарий Лев протасил колесницы насколько возможно вперед, мостя дорогу копами сухой травы. Кочевники смеялись над его потугами. Очень скоро их смех застрял в глотках. Сифоны выплюнули струи огня. Селитра, земное масло и липкий жир сделали свое дело. Огонь тек, как текут полчища муравьев, не замечая потерь, не внемля жалости. Правый фланг кочевий дрогнул, вместе со степняками попятиться персидские сасаниды.

Андрус Закайя поднял палец. Ударили баллисты. Пылающие бочки прочертили в вышине имена героев. Там, где взорвались снаряды, земля спеклась с кожей врагов. Закайя поднял второй палец.

Турмарх Леонид развернул скучавших единорогов на север и погнал их вдоль кипящих нефтяных гейзеров, в обход моря. Лишь теперь соратникам отца стала ясна его хитрость. Под ударами живого огня многотысячная конница хунну свернула к северному краю болот. Со своего места я видел золотые ханские шатры, видел, как рваным полумесяцем растекались полки степняков, их было много, слишком много. Я видел, как гибнут у земли последние грифоны, успев собрать богатую жатву. Первая линия нашей пехоты распалась на части, пропуская конницу. Кони едва брели, вытаскивая ноги из гор серых трупов. Лучники давно побросали луки, дрались топорами, стоя по колени в кровавой жиже.

– Эгемон, турмарх Василий просит подкрепления! Дайте ему мантикор, без них не одолеть василисков!

– Стратиг, у наших баллист кончаются заряды! Мы не можем подвезти, телеги вязнут в болоте!

Сквозь лязг железа почти не пробивалась барабанная дробь, Андрус все чаще посылал вестовых. Один из наших некромантов свалился замертво, вражеским колдовством его голову разорвало в клочья. На несколько секунд я ощутил, как ослабла защита, в шатер

воткнулись горящие стрелы, но ученики Дрэкула тут же сомкнули ряды. Вражеские копья опять ломались в воздухе.

– Эгемон, они подняли горгулий!

– Эгемон, друнгарий Лев потерял половину колесниц, нужен еще огонь!

Дука Закайя рассчитал верно. Армия хунну шарахнулась от огня к сухому северному берегу. Три десятка единорогов Леонида все равно не сумели бы их затоптать, но наши катафракты получили короткую передышку. Потери с обеих сторон были ужасны, разведка докладывала, что с востока идут свежие полки персов, наперерез им спешило ополчение из Боспора. Все реже слышалось низкое гудение баллист, посылавших ковши с огнем в гущу врага. Я крепко сжимал штандарт.

И тут Многоликая обернулась к нам со сладкой улыбкой.

– Готы идут, готские псы! – пронеслось по рядам резерва.

Воистину, лучше поздно, чем никогда. Германарих принял наш временный мир. Далекий северный берег покрылся черными точками. Сперва их было немного, но вот они показались, точно злобные термиты, сбиваясь в кучи, сбиваясь в рычащие реки. Двухголовые воколакусы, каждый размером с низкорослую лошадь хунну, выращенные из клыков вечного старца. Никто из ныне живущих не видел Германариха, с ним бился еще дед моего деда, то оттесняя полчища готов в степи Скифии, то отбиваясь у самых стен Херсонеса. Никто не видел, где он сеет свои выпадающие клыки, но крови для полива ему требовалось столько, что пленные никогда не возвращались в свои деревни. В отличие от стальных семян, подаренных когда-то грекам царем Колхиды, зубы Германариха не всходили отважными единорогами. Они рождали лоснящихся двухголовых псов, или же лютых оборотней, одолеть которых не могло лучшее дамасское железо. Кир Дрэкул считал, что посев нежити не колосится на человеческой крови, им требовалась редкая черная кровь демонов, поэтому нежить не кидали в бой. Они составляли личную охрану старца.

За стаями двухголовых воколакусов показались волнистые ряды готской пехоты. Их построение обычно вызывало смех у столичных вельмож. Еще бы, толпы яростных дикарей в шкурах, с дубинами и бронзовыми топорами. Впереди, увенчав головы рогатыми черепами, скакали их вожди, такие же жадные до сырой печени врага, как и кочевники-хунну.

Наблюдая, как встают дыбом две волны варваров, я впервые усомнился в словах наставника Дрэкула. Может, времена и впрямь потекли быстрее, если великая империя Золотого Рога берет в союзники нечисть?

К вечеру сигнальщики сыграли отбой. Крылья падальщиков закрыли небо над стонущим морем. Горе побежденным! Были срублены целые рощи, чтобы одеть в шейные колодки восемь тысяч хунну. Их грузили в тетрадромены, как мешки со щебнем. Половину пленных Андрус подарил готам. В столицу полетело донесение о победе. Император, скрепя сердце, объявил дуку Закайя триумфатором.

Два года никто не вспоминал о смешном предсказании волхва. Я прыгал с мачты дромона в кипящее море, я проплывал под днищем сразу трех баркасов, я дрался с киром Львом под водой. Было ясно, что старик волхв ошибся. Вода любила меня.

И вдруг вождь готов, ужасный Германарих, потерявший в той битве почти всех двухголовых псов, прислал отцу встречный дар – сотню северных невольниц.

И горе ворвалось в наш дом.

Глава 6. Оракул

Вестник собрала и спрятала компас, Привратник нежно гладила и кормила своих горбатых мужчин сырым мясом из пакета. Горбатые скалились и недобро зыркали на всхлипывающую Женю. Чувствовалось, караульным не терпится освободиться от одежды.

– Поглядите на нее. Она не хочет жить, – поморщилась Привратник. – Если она окажется слабее суженого, тот сожжет ее, и не заметит.

– Постойте! Я хочу жить... – воскликнула испуганная пациентка. – Что для этого надо?

– Сушие пустяки, – изо рта маленького Оракула летели перья. – Окунуть перо в чернильницу. Пройти по Краю слов. Приручить Факелоносца...

– Это кто, собака? – Женька обрадовалась, что никого не надо убивать.

– Это человек. Мужчина... пока еще мальчик, – Вестник и Привратник быстро и скользко переглянулись.

– Зачем мне его приручать?

– Чтобы он пошел за вами, – вместо Оракула мягко проговорила Ольга. – А вы приведете его к нам.

– А если он не захочет идти?

– Захочет. Он тоже вас ищет. Таково назначение.

– Какое еще назначение? Кто так назначил?

– Оракул позже вам все объяснит, – устало вздохнула Ольга. – К примеру, родители кормят детей, таково назначение. Назначение противостоит хаосу.

– И что потом? – Женьке казалось, она угодила в недра недоделанной компьютерной игры, где герои упрямо ходят по кругу, и никак не могут прорваться на следующий уровень. – Что потом, ну, если я его приведу?

– «Потом» не будет, – хрюкнул Оракул. – Там, где дует ветер, время одинаково со всех сторон.

– Вас покинут телесные хвори. Лично я не могу подарить вам избавление от болезни, – Ольга накинула на плечи свой жесткий плащ. Она свободно миновала квадратных мужчин, словно не собиралась только что драться, и голубой серп куда-то исчез. – Но если вы пойдете с нами, есть шанс освободиться от проклятия. Если конечно вас не сожжет Факелоносец.

Женечке до одури хотелось поверить.

– Как я его найду? Вашего, этого Факельщика?

– Он сам отыщет вас, если мы вовремя вскроем чернильницу. Вы должны были вспомнить, но не вспомнили. Это вина вашей бабки и матери.

– Я опять не понимаю... – простонала Женька. – Почему я вам все время должна верить? Мне как раз назначили химию. Если я сейчас отсюда сбегу, меня выпишут, и больше не примут.

– Привратник, сколько у нас времени? – Ольга сверилась сразу с тремя часами на запястьях. – Ты можешь запутать ночных?

– Ненадолго, пару склянок песка, – тетка в шинели коротко задумалась. – Вестник, они, вне сомнения, разгадают твои ловушки, быстрее, чем я.

Один из горбатых мужчин заворчал, забормотал, раздувая волосатые ноздри. Привратник поднялась на цыпочки, почесала ему загривок, прямо как домашнему животному.

– Ты прав, Хонси... Малыш уверен, что чует ночных. Похоже, врата пропустили кое-кого похуже голодной стражи.

– Они там все потеряли остатки разума! – ахнула Ольга. – Они забыли, чем грозит сквозняк.

– А ты надеялась проскочить тихой мышью? – приподняла верхнюю губу Привратник, прическа под шапкой на ее голове несколько раз вздрогнула. – Ставки слишком высоки, Ольга. Кто пожалеет этот мир, эту свалку нечистот, когда на кону такая власть?

Женька чувствовала, что ее оплавленный лекарствами мозг вот-вот лопнет. Наверное, ей только казалось, не может быть, что боль вернулась так скоро, но если в ближайшее время не сделать укол, станет совсем хреново.

– Оракул, покажи ей, – Привратник вынула из кармана старинные часы с крышкой, вздохнула, покрутила головой.

– Вашу руку? – мальчик протянул окровавленную ладошку.

– Нет, нет, – Женька замотала головой, вжалась в спинку кровати.

– Возьмите меня за руку, – проскрипел страшный малыш. – Ну, берите же!

Превозмогая себя, Женечка взяла в ладонь его мокрую пятерню. Ей очень не хотелось этого делать, но послушаться тетку в сварочных очках показалось еще страшнее.

Воздух в палате сгустился, а потом стены отпрыгнули в разные стороны. Колочий свитер вдруг стал мягкий и пушистый, Женя мгновенно почувствовала себя лучше. Намного лучше, чем вчера, и чем неделю назад. Оказывается, она уже позабыла, каково это – не ощущать постоянную пульсирующую боль. Оракул скрипнул треугольными зубами, на его розовом лбу выступила испарина. Теперь Женьке не хотелось выпускать его шершавые пальцы, но место отступающей боли заняло что-то странное.

Девушка словно... словно наклонилась над бездной. И задохнулась от ужаса, мигом разглядев в тысяче мельчайших деталей, что там внизу происходило. Или, наоборот, наверху. Это было так дико, так несообразно всему, что она могла представить. Она не просто рассмотрела глазами, разом включились все органы чувств, это оказалось круче, чем кино в пятимерном кинотеатре, где в лицо брызгают водой и включают дым. Женька ощущала себя щепкой, крошечной мушкой, барахтающейся в дымных воронках.

Там погибал громадный город. Гарь струилась отовсюду, забивала ноздри, вызывала слезы. Крошечную мушку несло в потоках отравленного смога над раскинувшимся вечерним мегаполисом, а внизу творилось что-то нехорошее. Тысячи голосов жалобно пищали, словно брошенные птенцы. По тональности, по выхваченным фразам, Женька с изумлением догадалась, что слышит не разговоры в реале, а телефонное общение, сразу миллионов абонентов, словно радиоволны сотовых операторов вывернулись наизнанку и проникли к ней в уши, или словно ей на голову надели улей с испуганными пчелами. Оказалось, что когда столько людей одновременно пугается, и каждый кидается звонить близким, по звучанию это чертовски похоже на паникующих насекомых. Западная сторона города, подсвеченная закатом, тонула в мирных полутонах. Спаренные огоньки двигались в плотных узких потоках, другие перемигивались, повторяя очертания высотных зданий, на западе пока не случилось ничего ужасного, если не считать свихнувшуюся реку.

Широкая река, метров триста, а то и больше, не просто кипела, она отчаянно вываривалась, словно забытый на плите суп, разодрав город на несколько частей. Настоящая река, с протоками, мостами, пристанями и лодками, бурлила, пенилась, выбрасывая раскаленные гейзеры. Пар поднимался плотной тучей, в туче кривлялись заживо сварившиеся рыбы... или совсем не рыбы, а что-то гораздо менее приятное. Вполне вероятно, что свихнулась не только речная вода, но и водопровод, потому что посреди спокойствия, в тихих кварталах слышались хлопки, все громче и громче, затем выросли белые свистящие фонтаны пара.

С другой стороны реки, на востоке, происходили отвратительные вещи. Уродуя сетку проспектов, ломая дорожное движение, тут и там возникли серые каверны, чертовски похожие на пятна гнили. Пятна возникали прямо посреди густо застроенных кварталов, дома кренились, трескались, превращались в труху. Авто сталкивались на перекрестках, люди неслись, крошечные обезумевшие фигурки. Водители бросали машины, покупатели выскаки-

вали из магазинов, сломя голову неслись по кренящимся тротуарам. Стекла домов вылетали разом, захлестывая бегущих смертоносным ливнем, с крыш срывало куски кровли. Цветные фигурки падали, их накрывала толпа. Упав на колени у самого края серой жижи, женщина тянула за руки попавшего туда мужчину, ей пытался помочь ребенок. Мужчина почти выбрался, выгребая левой рукой, подтянулся на край твердого асфальта... но тут женщина завизжала остро, сквозь общий трагический фон. Потому что серое нечто тянулось за торсом мужчины, а ниже пояса у него уже не было ничего.

В другом месте, серое захватило перекресток, в кашу проваливался троллейбус, набитый людьми. Водитель без разбора жал на кнопки, пытаясь открыть двери, пассажиры выдавили несколько стекол. На крышу через заднее разбитое окно, по лесенке выбрались молодые парни, стали вытаскивать женщин, но тут троллейбус накренился, кабина вздыбилась, серая масса плеснула в салон. Спустя пару секунд все кончилось, из чудовищной трясины торчали только «рога», они жалобно шевелились, будто усики попавшего в янтарь насекомого.

Через взбесившуюся реку, не замечая кипятка, круша мосты, продвигалось колоссальное устройство, похожее на распластавшийся башенный кран, или на слегка раскрытый циркуль, или на целую связку кранов, сцепившихся между собой в механическом объятии. Там внутри, в мешанине деталей, что-то беспрестанно переключалось, сдвигалось, сокращалось, точно с механического организма содрали кожу. У исполина имелись целых два хвоста, длинных, блестящих, зазубренных. Там, где проползал циркуль, кубики домов рассыпались серой трухой, позади хвостов тянулись жирные черные колеи, так мог бы пахать новые планеты космический великан.

– Вы все еще не верите? – с натугой спросил малыш, не ослабляя хватку.

Женька опять заставила себя смотреть, дышать и слушать. Несомненно, это был ее родной Питер, но с ним происходили не поддающиеся описанию метаморфозы. У Ростральной колонны в клубах пара всплыл лимузин со свадебными кольцами на крыше, перевернулся на бок и стал биться, подпрыгивая в пузырях кипятка. Женька заставляла себя не смотреть туда. О, зачем она только согласилась взять за руку проклятого уродца? Они все плавали там, лицами вниз – багровая невеста в раздувшемся подвенечном платье, мужчины в костюмах, еще гости и свидетели, много людей, некоторые пытались взобраться на колонну, срывались, варились заживо. Девушка в больничной палате невольно втянула голову в плечи, но почти сразу ощутила под исколотой попой жесткий больничный матрас, и, подгоняемая возгласом Оракула, вернулась в обжигающий триллер.

– Не время умирать, сударыня, – казалось, уродец прохрипел прямо в ухо, – Самое время позабавиться...

Женька собиралась завизжать, пронзительно, по-щенячьи, но у нее уже не было рта.

Забава только начиналась.

Глава 7. Месяц чумы

Истекал жарой месяц Чумы, когда вода убила мою мать.

К тому времени Мануилу Закайе исполнилось двенадцать. Мой дядя Лев бил меня слегка затупленным железом, колол среди ночи, на охоте и во время обеда. Один выпад из пяти достигал цели, за что кир Лев нещадно меня бранил. Я научился видеть лишь половину сна, вторая моя половина была подобна зоркому орлу, парящему над собственным телом. Я научился отбивать мечом три стрелы, с завязанными глазами сшибать летящих слепней и зубами вытаскивать из ручья рыбу.

Евнух Исаяя кидался в меня чернильницей, когда я путал строки поэм о покорении Колхиды, или неверно спрягал арамейские глаголы. Книжник Фома заставлял делить в уме либры на фунты, исправлять ошибки мытарей, неверно собравших налоги, и даже полировать речи для выступлений отца в синклите.

Отца вызвали в Золотой Рог. Милость молодого императора обернулась для дуки Андруса тяжкими хлопотами. Сместить популярного стратига багрянородный не решался, северные границы трещали, одни варварские народы просились под защиту, другие бунтовали и жгли посевы. Андрусу Закайе было поручено утроить речной флот, возвести ряд форпостов по Дунаю, и удвоить отправки продовольствия в центр. Фома рвал на себе волосы, читая бездарные указы из столицы. Толпы разорившихся крестьян бросали наделы и уходили разбойничать. Крупные помещики предпочитали не сдавать землю свободным, а завозили рабов. В рабах недостатка не было, через рынки Херсонеса гнали тысячи вандалов, хунну и склавенов.

В тот день евнух Исаяя привез меня на невольничий рынок. Нас ждал подарок самого Германариха, сотня пленниц с островов Бельтийского понта, а наставник никогда не упускал возможности поупражняться с новыми языками. Скоро, очень скоро выяснилось, что против нас плелась искусная сеть, но кир Исаяя не умел читать будущее.

Покидая бастион, я менял личину без помощи учителя, и мог не опасаться Небесных глаз. Вне сомнения, архонт любой стихии легко бы вскрыл мою сущность, но на окраине мира подобные знатоки встречались редко. Кроме шестерых верных палатинов, со мной был Исаяя, так что прогулка не пахла бедой. Бронзовые гиганты плетью прокладывали дорогу моему паланкину, чернь растекалась в стороны, как топленое масло. Под расшитым балдахинном они видели тучного старика и изрытого оспой юношу, совсем не похожего на Закайю. Некромант Дрэкул доверил мне приобрести рабов. Предстояло купить двух мужчин и двух женщин, для наших опытов требовались четыре свежих мертвеца с быстрой кровью. Кир Исаяя не вникал в мой выбор, он наслаждался праздником. И тут проклятье настигло род Закайи.

Под навесом покорно сидели женщины с закрытыми лицами. Я кинул монету смотрящему, чтобы с помоста удалили любопытных, и приказал повернуть товар к солнцу. Кир Исаяя окликнул меня, когда было уже поздно. Девушка лежала без сил. Ее белые волосы достигали трех локтей в длину, струились из-под платка и укрывали колени. Девушку поставили на ноги, но она не могла стоять. В месяц Чумы от зноя вскипают мозги у буйволов, что говорят о белокожей северной рабыне?

– Эгемон, я редко сожалею о том, что промолчал, – тревожно произнес наставник Исаяя. – Но ты сделал плохой выбор. Все стадо в поле порой гибнет от парши одной овцы.

Я не послушался. Я не мог оторвать глаз от ее снежных локонов. Приказал подать бурдюк с разбавленным вином. Смотрящий откинул покрывало, я увидел ее губы, но не понял, кто передо мной. Мир слишком велик, чтобы к двенадцати годам обнять его целиком. Ее бледные губы, изрезанные гнойными трещинами, в одно мгновение впитали вино, но

не насытились. Я пропустил сквозь кулак ее холодные косы, и рука моя замерзла до локтя. Подобно мудрецу, я слишком мало знал тогда о жизни, так что мог я знать о смерти?

– Превосходная рабыня, мой молодой кир! – купец вился вокруг, как болотная кошка, шевеля перстнями на жирных пальцах. – Юна и нетронута, она станет украшением вашего поместья!

– Эгемон, это речная ведьма с острова Руяна, – прошептал у меня в голове далекий голос некроманта. – Она выжила только потому, что трюм корабля протекал. Ее поили грязью, ее кровь створожилась. Возьми любую другую...

Оба наставника были правы, но я не мог заставить себя отпустить ее морозные локоны. Так и замыслили те, кто столкнул наши пути. Рабыня приподняла платок, я невольно отшатнулся, а холод от локтя достиг моего плеча. Ее бледный лоб потрескался, как почва пустыни. Я дважды отразился в ее недвижных прозрачных глазах – не прыщавый сутулый отрок, а истинный Мануил Закайя. Она видела меня сквозь ложную личину. Ведьма опрокинула в себя второй бурдюк с вином, и трещины на ее щеках разгладились. Я никогда не встречал речных русалок, но слышал, как сильны магией северные острова русов.

Мы купили другую девушку, однако рука моя еще долго не согрелась.

– Очень плохо, молодой эгемон, – после долгого молчания повторил Исая, когда лабиринт Иллируса уже опутал мой кортеж. – Речная ведьма узнала тебя. Если она не умрет, то будет искать тебя, чтобы проявить благодарность. Говорят, их благодарность хуже проклятия.

– Пусть найдет, я буду держать ее в пруду с карпами! – отважно возразил я. – Но такую белокожую наверняка уже забрали купцы из Дамаска!

– Мертвый храбрым не бывает. Буду счастлив ошибиться, – мрачно произнес учитель. – Мне следовало умертвить ее на рынке, но вокруг слишком много любопытных. Я тотчас пошлю человека в Херсонес...

Ночью я помогал киру Дрэкулу. Мы сделали с купленными невольниками то, что следовало. Жалость не касалась моего сердца. Когда обряд завершился, я хотел умыться, и тут выяснилось, что по приказу наставника в колодцах спущена вода. Устье ручья, питавшего подземное озеро бастиона, тоже оказалось перекрыто. Слуги вскрыли несколько бочек с посеребренной водой, рассчитанных на долгую осаду.

– Пока не вернется наш посланец, тебе лучше не касаться открытых источников, – твердо заявил некромант. – Я жалею, что не поехал с вами. Книжник Исая слишком мягкотел.

– Что вы с ней сделаете?

– Где гной, там разрез. Как поступают со сколопендрой, подброшенной в суму?

Я был ужасно зол на себя, на него, на весь мир, но ничего не мог поделать. Двенадцать лет я прожил в клетке. В спальне я напрасно закрывал глаза, я видел чудесные белые косы. Руки тянулись к ним, но в ладонях засыхала вонючая тина и черви. Кожа рабыни искрила, как чешуя золотых форелей. Ее голос журчал, точно водопад. Если бы я бодрствовал, то не понял бы ни слова.

Мануил Закайя, шептала она, ты принес мне мучения. Меня заманили в сеть с отравленными крючками, меня вырвали из родной реки, но так долго не давали умереть... Когда я готовилась стать росой, явился ты, и добавил мне сутки страданий. Тебя охраняют, как великую ценность, но пока тебя охраняют, ты не достигнешь того, к чему предназначен. Я отплачу тебе за твою доброту. Я освобожу тебя из клетки, ты узнаешь, сколь длинна дорога от колоса до хлеба...

Я проснулся на полу, истекая потом. В тот миг хранитель времени как раз перевернул песочные часы, гулко ударили колокольцы, а на женской башне тревожно завыл рог. Презрев лестницы, я выскочил через окно, ласточкой кинулся в рассветную тьму. Я пролетел трижды

по сорок локтей, ныряя с уступа на уступ, где мне салютовали ночные стражи. Я промчался по двору, вдыхая смрадный пот мантикор, я первым взобрался по стене на женскую башню.

Следом за мной, сложив узорчатые крылья, на карниз опустился громадный нетопырь. Кир Дрэкул еще не успел до конца вернуться в человеческий образ, птичьи когти еще не держали оружие, но защитную пентаграмму он снес одним плевком. Двери спальни рухнули, нам в лицо ударил столб теплой воды. Снизу с топотом неслись стражники, их закружило в водовороте.

Опоздавшим достаются кости. Мы не могли успеть, ведь враг напал на бастион изнутри. Моя мать утонула в сухой опочивальне. Она лежала навзничь, в ярких шелках и браслетах, которые так любил дарить ей отец, на груди ее били хвостами рыбы. Моя младшая сестра, двух лет от роду, скулила на руках дрожащих служанок. Они ночевали этажом ниже и ничего не слышали. Ничего.

По всему бастиону вспыхнули огни. Явился куропалат, начальник стражи, заранее готовый к смерти. Держась за грудь, поднялся по мокрым ступеням историк Исая. Брезгливо перешагивая через скачущих рыб, приковылял книжник Фома.

– Вот ее путь, – кир Дрэкул по щиколотку в воде прошел за балдахин, сорвал его вместе с переладиной. Даже я, мальчишка, не имел права врываться туда, в роскошный шелковый сераль. Это все равно, что подглядывать за обнаженной матерью. В углу, среди плававших подушек, тонкой жилкой бился фонтан для питья.

– Я же приказывал законопатить все открытые источники! – наставник обернулся к куропалату. Под взглядом некроманта великан царапал себе ногтями горло.

Всего лишь питьевой фонтанчик, единственная водяная жилка, забытая всеми, пробитая в толще заговоренных стен. Германарих просчитался самую малость. Смертельный укус достался единственному человеку, который любил меня просто за то, что я есть. Я плакал последний раз в жизни, прижимаясь к мертвым губам матери. Наутро мои слезы высохли вместе с остатками детства.

Потом прискакал человек, посланный выкупить русалку. Он нашел ее в каземате под рынком, в стороне от других женщин. Она тряслась, завернувшись в покрывало, ее соседки молились по углам, подозревая чуму. Верный палатин проткнул ведьму копьем, но когда извлек острие, на нем вместо крови налип тяжелый речной песок. Когда воин перевернул лежащую, стражи рынка в страхе побросали факелы. Между сырых каменных плит клубком рассыпались острицы и водяные клещи.

Купец, доставивший партию русов, исчез. Испарился весь его караван, никто не мог вспомнить его имени. Через Мраморный понт, навстречу дуке Закайе полетела черная весть. Андрус сошел на берег стариком, вместо крови в его жилах отныне текла желчь. Он понял, что родовой бастион больше не может укрыть его сына.

По приказу дуки, некроманты вырастили для меня шестерых бессонных големов. Братья севасты Авдии были арестованы и погибли в мучениях. Трое членов городского синклита признались в сношениях с заговорщиками. Их казнили, а семьи отправили в ссылку. Два арбуза под одной подмышкой не утащишь, грустно заметил тогда кир Исая, и оказался прав. У отца не хватило рук и глаз на всех.

Его бывшая супруга Авдия успела скрыться вместе с понтификом. Синклит поднял бунт, опираясь на молодых офицеров. Сенаторы проголосовали за отставку стратиго, никто не желал помнить его прежних заслуг. В Золотой Рог полетели грязные депеши. Граждан Херсонеса расколола вражда. Бывшая супруга Андруса и ее приспешники кинулись лизать сапоги императору. Не зря сказано – властители схожи со скверной блудницей, что сходится со случайными. Еще до того, как багрянородный излил свой гнев, Андрус Закайя приказал разрушить каменную плотину между скал, насыпанную несколько столетий назад. Шестьсот рабов две недели разбирали камни, по которым вилась пастушья тропа. Селяне качали

головами, считая, что дука потерял остатки ума. Но Андрус знал, как ударить в колокол. Когда проход расчистился, соленый морской бриз впервые за триста лет обнялся с пыльным суховеєм, скучавшим среди курганов полуострова. Ветры сцепились, невиданной силы ураган разбил о скалы ласточек и закинул в небо косяки кефали.

Едва стихия улеглась, бастион Иллирус посетила высокая гостья.

Отец призвал меня в парадный зал. Собрались мои наставники, управляющие именами, знахари, жрецы. В кресле рядом с Андрусом появилась пожилая женщина в голубой тунике. Я сказал – пожилая, но разве есть способ сосчитать годы у архонтессы воздуха? Я безуспешно пытался запомнить черты ее лица. Едва повелительница стихии заговорила, некромант Дрэкул глубже закутался в капюшон. Даже он не смел поднять глаз, а прочие невольно преклонили колени. Удержаться на ногах было невозможно, под сводами залы пронесся вихрь, со стен сорвало ковры.

– Эгемон Закайя, ты затоптал чужие всходы, чтобы мог дышать твой единственный росток, – прошелестела гостья. – Ты ждешь милости, но обитель воздуха не раздает наград. Твой сын уже получил милость от той, кого вы называете речной ведьмой. Теперь он свободен уйти, или погибнуть рядом с тобой. Слишком многие станут охотиться за смертным, кому суждено вскрыть Свиток. Люди не хотят изменений. Мир покоится в яйце, время течет по кругу, никто не хочет иного.

– Моему сыну придется скитаться? – глухо простонал Андрус. – Молю тебя, богиня, скажи нам! Это все козни Авдии? Это она вошла в связь с готским старцем? О, я знаю, ее тетка имеет связи при дворе, они натравят на меня консулов? Смогу я прятать сына в Лабиринте? Или лучше отвезти его в мое фракийское поместье?

– Я не богиня, – от свистящего смеха гостьи погасли светильники, в высоких окнах рассыпались витражи. – Я всего лишь заложница стихии. Отпусти своего сына прямо сейчас, эгемон, посади его на грифона, и отпусти в полет, пока не стало поздно. Он все равно найдет Свиток, но хотя бы не погибнут люди.

Однако гордый дука Закайя не внял мудрым словам.

Глава 8. Конец географии

Едва вернувшись в тягостный, безрадостный морок, Женька мигом узнала корабль, взлетевший над городом. До того, как папу в последний раз посадили, они ходили гулять на Английскую набережную, и разок фотографировались у прекрасного белоснежного носа «Принцессы». Нос «Принцессы» нависал над Благовещенским мостом, папа говорил, что это западный круизный лайнер, плавает по Балтийскому морю, у него штук семь или восемь пассажирских палуб, катаются на нем немецкие буржуи, и что когда Женька вырастет, папа ее заберет от опекунов, и они купят билеты, и непременно вместе поплывут на блестящем красавце...

Судя по всему, блестящий красавец свое отплавал. Перевернутый вверх дном, лайнер с болезненным стоном пролетел над стрелкой Васильевского, широкой палубной надстройкой со всего маху врезался в университет. Лайнер сплюсился, выгнув темное, обсыпанное ракушками, дно, но не остановился, а поехал дальше, по земле, прямо сквозь здание Двенадцати коллегий, тараня стены и дома, размазывая по камням свои вечерние рестораны, концертные залы и прочие роскошные внутренности. Могучая корма раскололась, винты несколько секунд торчали в разные стороны, пока их не накрыло тенью от наступающего исполинского циркуля. Космическое насекомое с грохотом воткнуло в остров следующую лапу.

Женька хотела закрыть уши, чтобы не слышать воплей, но звуки катастрофы рождались не снаружи, а внутри ее измученной головы. Она ощущала, как подергиваются пальцы Оракула, коготки его больно царапали кожу; очевидно, слепец тоже крепился из последних сил. Очень четко, словно Оракул услужливо навел резкость, Женька сфотографировала летящие вверх тормашками легковушки, грузовики и маршрутки, неровные куски гранитных опор, чугунные фонари с обрывками проводов, а затем встал на дыбы и начал крениться весь противоположный берег Невы с уцелевшей половиной Дворцового моста. Обнажилось замусоренное дно Невы: клочья арматуры, сгнившие шины, бочки, груды пластика и бревен. Хвост космического «циркуля» миновал карьер, образовавшийся на месте речного русла, вполз на Петроградскую сторону, выдернув из немыслимой глубины трубу метрополитена, вместе с порванным поездом. Головной вагон повис из развороченного бетонного кольца, точь-в-точь перебитая садовой лопатой, гусеница; его колеса вращались, фары жалобно моргали, Женьке показалось – она заметила машиниста, белого, как простыня, упершегося в рычаги, и плотную кашу из перекошенных человеческих лиц, прилипших к окнам вагонов.

Оракул хрипел где-то рядом, чуть ли не насквозь продырявив ее ладонь немытыми нестриженными ногтями, но упрямо удерживал органы чувств в заколдованном сне, не позволяя выбраться в реальность. Серая траншея разрезала пересохшее русло Невы, со стоном докатилась до берега Васильевского острова, до того места, где раньше, очень примерно, мог находиться берег.

В траншее не было дна.

Совсем.

Пораженная вселенской гангреной, плоть Земли раздвигалась все шире и шире, подобно тому, как под ножом хирурга расплзается обмороженная кожа. Серое смрадное нечто выбиралось снизу, заполняло лакуны и трещинки, хищно набрасывалось на уцелевшую оболочку страдающего мира. Низкий вой сменился свистом. Огни проспектов потухли. С запада, навстречу зловещей, расширявшейся траншее, широким фронтом пер густой, горько-соленый туман. Финский залив вскипел, отстраненно догадалась Женька, это финал, финиш. Единственное, что проступало сквозь убийственную парную – два неистовых плуга, два хвоста жестокой машины... Никакой это не кран и не циркуль, опять неизвестно как

сообразила ошарашенная пациентка. Это пальцы! С очень длинными, загнутыми, как у грифа или орла, когтями. Два титанических пальца, изящные, бледные, почти нежно, лениво вскрывали чрево планеты, тащили за собой ошметки географии.

Никакие самолеты не прилетят, и выбраться из ямы нельзя, призналась себе единственная зрительница финального спектакля. Все погибнут, как предсказано в книгах, все умрут, если только...

Она снова ощутила себя внутри игры. Надо взять правильный предмет, чтобы выбраться из комнаты. Господи, какой же предмет выбрать?

– Сударыня, вам плохо? – Ольга заботливо склонилась со стаканом воды.

Женечка ничего не могла поделать. Отвернулась и... ее стошнило прямо между кроватями. Утерлась простыней. Никто не рассердился и не удивился.

– В нашем мире нечасто рождаются Факелоносцы, способные устроить такую беду, – в голосе Привратника звучала горькая насмешка, – Это отважные глупые людишки, они уверены, что несут человечеству прогресс, но несут только хаос и гибель. К счастью, большинство смельчаков гибнет в детстве, или в первом бою с неправдой. Но порой ось бытия смещается, и тогда вырезать язву хаоса может лишь Тайная Вожатая. Так назначено.

Женька хватала воздух распахнутым ртом, спина взмокла, руки дрожали. Ольга нервно выдергивала волосы из парика, Привратник смотрела на часы. До Женечки не сразу дошло, что обе женщины ничего не видели и не слышали. Апокалипсис оставался ее личной тайной, разделенной с маленьким слепцом. Сквозь шторы на окне мелькали маячки полицейской машины. Где-то за стенкой плакал ребенок, в коридоре пытались вскрыть дверь там, где ее не было. Такая тихая, привычная реальность.

– Это наркотик такой? Вы мне в обед подмешали? – спросила нагло, напористо, и смутилась. – Но зачем мне эти ваши кошмары? Я не железный человек, и не женщина-кошка. Я ничего не умею.

– Это не кошмары, а будущее вашей сферы, вашего печального мира, – грустно поправил слепец. – Люди ошибаются, когда полагают, что я вижу сны. Такие, как я, не видят снов. Такие, как я, обречены блуждать по чужим снам, отпирать поддувала, которые вы трусливо заперли.

– Но это не мой сон, я такого и придумать-то не могла!

– Вы одна из тех, кто несет общую память. Память мира, если угодно. Для человека время делится на прежде и потом, но для вселенной время одинаково во всех точках, – туманно пояснила Ольга.

– Вестник, ночные твари ближе, чем я думал, – прокрихтел мальчик. – Они спустят свору местной челяди.

– Это даже неплохо, – неожиданно повеселела Ольга. – Привратник, ты покинешь нас?

– Ты же знаешь, что не покину, – ухмыльнулась Привратник. Ее окуляры сжались и вытянулись вперед, на минуту стали узкими. – Ты права, Вестник, нам лучше встретить их здесь. Здесь и без того все ждут смерти.

Женьку передернуло.

– Зачем... откуда у нас такое будущее? – девушка ощупывала себя. Ее болезнь никуда не делась, она словно притупилась от огромной дозы болеутоляющего.

– Я не могу знать, что показал вам Оракул, но если вы не поможете нам и себе, судьба вашей сферы... вашего мира может сложиться именно так, – сухо произнесла Привратник. – Подозреваю, вы встретили в вероятном будущем нечто неприятное. Вы видели ветер из незаконно открытых врат... по крайней мере, его так называют с той стороны. Не все замки можно вскрывать, и не у всяких врат можно поставить надежный караул.

Спасти мир? Женька едва не рассмеялась, разглядывая свое тощее, исколотое предплечье.

– Сударыня, нам следует обыскать место, где ваша мать хранила чернильницу. Мать должна была передать вам то, что в вашей сфере назвали бы координатами. Если бы предки по женской линии подарили не только руническое пятно, но и обязательные знания, мы бы вас давно нашли и вывезли в храм, – Ольга похрустела пальцами.

– Место? Бабушкин дом? – Женька попробовала ногами пол. Голова закружилась, но девушке удалось удержать равновесие. – Ну а если папина бывшая все выкинула?

Женька вспомнила кривой дергающийся рот Наташи, обычно красивый, но в тот момент пугающе страшный, как у медузы Горгоны с музейных фресок. Наташа почти не пила, но в тот день выпила нарочно. Брызгала папе слюной в лицо, напирала грудью и выкрикивала, мол, давай, давай, тронь меня, бомж, я тебя мигом упрячу, нет у тебя никакого здесь угла, забудь, давно тебя выписали, уголовник чертов. А если будешь на меня прыгать, девочку в интернат сдам, там из нее живо слабоумную сделают...

Чернильница! Вот он, верный предмет, чтобы выйти в следующую комнату?..

– Важны не обещания, а ваше добровольное согласие, – оборвала гадкие воспоминания Привратник. – Ольга, на этой свалке полно брошенных чернильниц. Как ни странно, встречаются и мужские. Слишком многих здешние деспоты сожгли на кострах. Уцелевшие глухи к песням ветра, может для них это к лучшему.

– Послушайте, – осмелела Женька, – а если я соглашусь ловить этого... Факельщика, у меня с собой нет паспорта, никаких документов.

– Там, куда мы отправимся, эти проблемы отсутствуют, – парировала Вестник.

Женечка закусил губу и незаметно ущипнула себя. На минутку представилось, что ее хотят выкрасть и пустить на органы, но девушка тут же отмела эту мысль. Ничего нельзя представить нелепее, как вскрывать на органы онкобольных.

– Но мне нужны лекарства.

– Чем дольше я ее слушаю, тем сильнее сомневаюсь в природе ее хвори, – пробормотал мальчик. – Вполне возможно, окажется достаточно Избавляющего ритуала.

– Оракул, ты полагаешь, на ней тяжелый сглаз? – подалась вперед Привратник.

– Боюсь, кое-что похуже, – отозвался слепец.

– Ты понимаешь, насколько это меняет дело? Если канцлер заподозрит вмешательство из этой сферы, хотя бы слабую попытку изменить назначение, войны не миновать.

– Не пугайте ее, – вклинулась Ольга, – Евгения, не беспокойтесь о лекарствах. Оракул поддержит вас, пока мы не доберемся до храма... до нашей больницы.

– Вестник, скоро придется спасать меня, здесь невозможно дышать, – Оракул икнул, закашлялся. После сеанса контакта мальчик заметно посерел, еще больше скрючился.

Женя, как завороченная, встала, покачиваясь, побрела к окну. Ничего не болело! Беготня и стук в коридоре ее больше не заботили. Возможно, ее все-таки чем-то подпоили, ее перестало волновать то, что не главное. Но главное никак не хотело вспоминаться. Мама на мятых снимках, с кошками на коленях, нефотогеничная, размазанная. Массивная чернильница среди истертых писем и непонятных книг, с таким же, как у Ольги, крестом среди узоров. Старенькая глухая бабушка с колодой таро, смутно вспоминаемое родимое пятно под мышкой, такое же, как у мамы, очередь желающих на гаданье. Что же главное? Диковинная икона прабабушки, закрытая от посторонних фолиантом, с кругом и звездой в круге, икона, которую потом выкинули? Или сама далекая, позабытая прабабушка, лечившая правой ладонью, прожившая больше века, пухлые желтые конверты, английские и еврейские буквы, футляр с астрономическими атласами? Сестра бабушки, маминой мамы, легко пережившая блокаду, даже не похудевшая, сама хоронившая дворовых кошек? Она тоже собиралась жить долго, очень долго, если бы не тот несчастный случай. А может быть, вовсе не несчастный? Машина стукнула ее дважды, отъехала и снова стукнула, так записали в протоколе. Виновника, конечно, не нашли. Папины дальние тетки шептались тогда, но Женя

не помнила точно, маленькая была. Тетки шептались, что батюшка в церкви сперва деньги взял, а после, как увидал...

Что, что он увидел, или услышал? Нет ответа, провал. Так вот, батюшка отпевать отказался, ни в какую, и другой батюшка тоже. Перед смертью бабуля звала Женьку к себе, но опекуницей назначили папину Наташу, та уперлась везти девочку за триста километров, ради прощания с чокнутой старухой. Наташа всех родственников первой папиной жены считала двинутыми... Бабушка что-то могла рассказать, что-то главное, папа потом сокрушался и, кажется, ругался на Наташу, а та в ответ посулила сплавить падчерицу в интернат.

В голове крутилась цветастая карусель. Женька потрогала себя. Спина не пульсировала, грудь не давило. Как ни странно, немного тянула кисть, за которую недавно держался Оракул. Точно по руке к нему переползла опухоль, подумала Женечка. Петербург за окном готовился встречать Новый год. Над дымками, над антеннами перемигивались гирлянды. Женечка на секунду смежила веки, и невольно вскрикнула. Снова кипела река, сворачивались в трубку улицы, заживо варились люди, а когти зверя вскрывали ткань реальности...

Все потому, что где-то наивный мальчишка по имени Факельщик устроил конец географии, сдуру отворил какие-то ворота, устроил сквозняк. Отворит, мгновенно поправила себя девушка, непременно откроет, если я не помешаю, пацаны все такие. Лезут, куда их не просят.

– Вы сказали, что он еще ребенок, ну, этот, факелоносец. Чего ж сами его не поймаете, прежде чем он наломает дров?

– Поверьте, сударыня, орден делает все, что в силах. Ребенка пытались загодя отправить к нерожденным...

Женьку передернуло; эти милые женщины рассуждали об убийстве, как о походе к парикмахеру.

– Однако, есть назначение, установленное архонтами стихий, – устало продолжала Ольга. – Вам пока это не понять... Это не договор каких-то президентов или премьер-министров, как происходит в вашей сфере – подписи на трухлявых бумажках, лживые рукопожатия, воровские улыбки. Назначение не удастся отменить. Факелоносец рожден, чтобы сорвать печати. Он думает, что совершает благо, но погубит всех.

Не удастся отменить, повторила про себя Женька. Как будто в узком коридоре. Как будто у каждого своя роль... и у меня тоже?

– Если я с вами пойду... можно я позвоню папе?

– Не сейчас, – отрезала Вестник. – Это должно быть только ваше решение. Тайный Вожатый не ищет чужих мнений. Мы ведем суровую войну, и вам предстоит перешагнуть через привязанности.

– Ваш отец в темнице, он не спасет вас от судьбы. В душе он вас уже похоронил, – жестко рубанула Привратник.

Стало слышно, как в больничный двор с визгом вкатилась машина, за ней – другая, захлопали дверцы. Огни фар мазнули по потолку. Зубастые мужики заворчали.

– Это они, – Оракул поковырял щепкой в зубах.

– Прочь от окон, в укрытие! – Привратник дернула пальцем, один из караульных в мгновение ока сграбастал тоненькую пациентку, перенес в угол, закрыл собой.

– Евгения, да или нет? – Ольга закутала мальчика, переставила рюкзак под умывальник, а кровать с Галкой выкатила в соседнюю палату.

– Они меня убьют? – Женька кивнула на окно.

– О, ни в коем случае, – зло усмехнулась Ольга. – Для них это удача, по нашему запаху выследить Вожатую. Скорее, вас окружают великой роскошью. Но превратят в замочную скважину. Такое уже случалось.

– Но вначале сдерут с нас кожу, – деловито уточнил Оракул. – А из меня набьют чучело.

Женя расправила плечи. Горбатый гигант удерживал ее в объятиях, но не грубо, а удивительно бережно. Сквозь толстый свитер девушка ощущала с двух сторон мощные толчки. Женьку почти не удивило, что у Хонси, кажется именно так его звали, колотились два сердца. После невероятного забега в будущее, ее ничего не могло удивить. Было невероятно страшно. Но хотелось петь и кувыркаться.

– Да! – решила она. – Я готова.

И словно в голове щелкнуло. Будто сделала верный шаг в игре.

– Прошу вас, прилягте на пол, сударыня, – со стальной учтивостью, Ольга скинула с кровати матрас. Определенно, на детском утреннике она могла легко сыграть кошку.

– Есть хочу... – простонал из-под умывальника Оракул.

От его блаженной улыбки у Женьки спина покрылась мурашками. Похоже, ее ожидало очередное кино, пострашнее предыдущего.

– Оракул, скоро покушаешь досыта, – ответно улыбнулась Ольга, и потянула с головы парик.

Глава 9. Сдвиг времен

Тем же вечером в покоях отца погас Небесный глаз. Это казалось немыслимым, невозможным. Стратиг Закайя в пятый раз прочел бесполезное заклинание. Мы стояли рядом, уставшие и пыльные после сквозняка, устроенного хозяйкой ветров. Стояли, окружив антрацитовое полушарие, и ждали – преданные военачальники, чиновники Херсонеса, посланцы синклита, не изменившие присяге, жирные скотоводы, дрожавшие за свои богатства, накопленные в правление Закайи. Но ждали зря. Небесный глаз не открылся, бастион Иллирус ослеп.

– Я знаю, это козни понтифика Иоанна, – проворчал отец. – Эта скользкая тварь водит дружбу с самыми мерзкими колдунами! Наверняка моя женушка уже согрела его постель!

– Эгемон, позволю себе напомнить, что подобное уже случалось, и без вмешательства темных сил, – кашлянул табуллярый Фома. – В гражданском своде упоминаются три случая, двести пять, триста семьдесят и восемьсот лет назад. В первом случае, который вам, без сомнения, хорошо известен, погасли Небесные глаза в покоях Мертвой империи, во втором случае...

– Меня не занимают сказки, – отрубил дука Закайя. – Как мне теперь говорить со столицей? С Дамаском, с Афинами, с Иерусалимом?! Голубей посылать, или летучих мышей?

Новый куропалат Варда, командир дворцовой стражи, вломился, едва удерживая сердце в горле.

– Эгемон, на Орлином перевале стражи развели костер! Они передали – с востока летят дикие гарпии! В стае не меньше сотни, жрут все подряд! К утру будут над побережьем!

– Этого только не хватало! Петрус, ты мне докладывал, что твои люди выжгли все ульи! – стратиг ткнул пальцем в одного из офицеров.

– Клянусь, дука, до снежных хребтов не осталось ни одного!

– Гарпии покинули ульи в армянских горах, – едва слышно произнес евнух. – Эти прожорливые твари не подвластны ворожбе, их спугнуло что-то другое...

– Лучников на стены! Выпустить орлов. Поджечь масло во рвах. Варда, пошлешь вестовых к виноградарям и скотникам, дай им знать – бастион вместит всех. Но пусть не мешкают, хватают семьи, скотину, и бегут сюда.

Аристократы возмущенно запыхтели. Им вовсе не хотелось делить уютную крепость с простолюдинами. Не успели прозвучать команды, как на плечо киру Дрэкулу вспорхнула летучая мышь.

– Эгемон, море отступает от берега, – тихо доложил некромант.

– Что? Что еще случилось? О чем бормочет чернокнижник? – зашептались придворные.

Мой отец не привык проигрывать. От его команд к людям возвращалась смелость. Недаром сказано – держись своего дела, слова придут.

– Петрус, вызвать из казарм два легиона копейщиков, немедленно сюда, окружить бастион! Феофил, бери лучших коней, скачи в Херсонес, вот моя печать. Выслать почтовых птиц во все города провинции. К часу ночи собрать синклит, тащите этих жирных хряков за пятки из постелей.

Дука собрал ближний круг, прочих слуги вытеснили во двор. Меня отец не отпускал ни на миг.

– Звездочета ко мне! Варда, зарезать черного быка. Спустись к весталкам, предложи им что угодно, мне надо видеть будущее.

Едва куропалат умчался, бастион тряхнуло. На миг мне почудилось, что мы не на твердой земле, а посреди буйного моря.

– Эгемон, если это то, что я думаю, Иллирус уже не спасти, – заметил Дрэкул.
– Поведай же нам, что ты думаешь, – Андрус залпом осушил кубок с вином.
– Я думаю, что твоя благородная супруга Авдия не смогла бы погасить Небесный глаз.
– Кто тогда? Германарих?
– Думаю, столетнего осла новому шагу не научишь.
– Что случилось с морем? Твоя мышь – всего лишь пугливый зверек. Она могла испугаться отлива.

– Я вижу то, что видят ее глаза, – смиренно ответил некромант. – Море отступило на сотни локтей, рыбацкие лодки купаются в иле. Боевые дромоны, как пьяные, завалились на бок, матросы точно дети, голыми руками собирают рыб.

Андрус выругался. Привели звездочета с обоими подмастерьями, старшего хранителя времени и других ученых мужей. Пока звездочет шептался с отцом, я приветствовал его юных учеников. Эти двое были из тех немногих юношей, с которыми мне позволялось проводить свободные часы.

– Время сдвинулось, – пугливо кося глазом на вельмож, поведал мне отрок в расшитом голубом хитоне. – Звездный крест сместился на две доли относительно небесной оси, и смещается все дальше третью ночь подряд.

– Что это может значить?

Подмастерье не успел ответить. Бастион тряхнуло вторично. Над башнями нервно заклокотали орлы.

– Эгемон, гарпии летят мимо! – доложил запыхавшийся гонец. – Но впереди огромные стаи птиц. Поднимитесь на башню.

Толкая друг друга, высокие гости ринулись следом за отцом. Андрус Закайя не забыл меня, мы первыми выбежали на смотровую площадку. Шестеро стражников салютовали возле заряженных сифонов с жидким огнем. Арбалетчики готовились натянуть тетиву боевой машины. Некормленные орлы грызли прутья клеток.

Мне хватило одного взгляда. Гарпии свернули на северо-запад, обратным клином, широко взмахивая пятнистыми крыльями. Они не охотились, до нас не доносился истошный крик, выгрызающий мозг. Чудовища, порожденные древним колдовством, бежали, спасались от неведомой опасности. Ниже и выше стаи хищников, летели тысячи, десятки тысяч птиц. Там были коршуны, степные жаворонки, ласточки, морские альбатросы, пузатые чайки и множество иных пернатых. Воздух задрожал от бесконечного шороха крыльев. Люди молчали, даже старцы, которых трудно удивить. Молчание кира Дрэкула мне показалось страшнее любых криков ужаса.

Башня вздрогнула в третий раз. И тут я увидел волну. С башен Иллируса море увидеть невозможно, хребет Плакальщиц изгибается сонным гекконом, обнимая крепость и лабиринт. Но нынче море вздымалось далекой изумрудной стеной, на гребне ее искрил пенный вал.

– Вниз, бегите в пещеру весталок! – вскричал Андрус, – закрыть окна и двери! Дрэкул, Лев, берегите Мануила. Дрэкул, не забудь об осколке!

Моим наставникам не стоило повторять дважды. Пока придворные топтались на крутых лестницах, мы спрыгнули по наружной стене. Некромант расправил крылья, кир Лев распустил завязки плаща. Мы летели вниз, прыгая с одной каменной химеры на другую, а рядом узлами стягивались бойницы башни. Андрус Закайя остался один наверху. Когтем грифона он вскрыл себе вену на локте, смешал кровь с содержимым двух перстней и брызнул на камни родового гнезда. Дождь из птичьих перьев сыпался на голову дуки Закайи, неистовая волна застилала горизонт, но стратиг ничего не замечал. Закрыв глаза, он читал нараспев священное заклинание Лабиринта, вырванное прадедом моего прадеда у огнепоклонников Персии.

Стены со скрежетом сдвигались, башни оседали, замшелые петли лабиринта тянулись ввысь, заглушая вопли сотен крестьян, надеявшихся отыскать убежище в Иллирусе. Наместник Таврии не обманул несчастных земледельцев, он желал довольства своему народу, но не успевал его спасти. Лабиринт кряхтел, сворачиваясь гигантской улиткой.

– Отец, отец! – закричал я, напрасно вырываясь из стальных объятий кира Льва.

Сквозь ветви пиний, мы спрыгнули в нижний двор. Мраморная чаша бассейна треснула, вода с ревом втягивалась в водоворот. Радужные поющие сирены, гордость отцовских питомников, крошечные горгоны, способные взглядом убить разве что стрекозу, венценосные крабы – все они издыхали на влажных ступенях. С воплями металась служанка, качались массивные статуи Августов, с беседок осыпалась бесценная коринфская плитка.

– Вниз, эгемон, скорее! – навстречу нам катился мокрый истерзанный кир Исая. – Скорее, пока твой отец не произнес последние слова Печатей.

Широкая калитка, ведущая в казармы стражи, сужалась, стягивалась, как намокший чулок. Мы бежали, хотя мои ноги едва касались земли. Возможно, кир Дрэкул нес меня в когтях, кир Лев расшвыривал с дороги зазевавшихся придворных. Знакомые коридоры чудовищно изгибались, светильники падали со стен, навстречу с писком неслись полчища крыс. Они чувляли смерть там, где кир Дрэкул мнил найти спасение. По пути мы прихватили мальчика-звездочета, позже нас догнали два подмастерья некроманта и несколько воинов из моей личной стражи.

В зале Почета с потолка падали кирпичи. В зале Свадеб обрушились стены. Двор для конных тренировок оказался полностью засыпанным осколками мозаик.

– Вниз, вниз, мой господин!

Широченные бронзовые ворота, сквозь которые прежде свободно проезжала колесница, смяло и порвало в клочки. Кто-то зажег факел, мы ступили в подземелье. Сверху все сильнее доносился рокот моря. Водяной колосс расправлял плечи над хребтом Плакальщиц. В последнем усилии я вывернул голову и увидел отца. Крошечная фигурка Андруса Закайи воздевала руки среди зубцов клонящейся башни.

– Вниз, за мной! – прорычал некромант.

Киру Льву пришлось прокладывать путь мечом. Кир Дрэкул хлестал встречных плетью из синего пламени. Толстяк Исая просто расшвыривал людей налево и направо. Лестница крошилась, земля сыпалась за шиворот, в стенах визжали замурованные когда-то скелеты братоубийц.

Наконец кир Дрэкул свистнул, наступила тьма и тут же вспыхнули ведьмины огни в черепках единорогов. Мы находились в мастерской некромантов. Каменная плита, испещренная клинописью Нижнего мира, задвинулась за нами.

Люди едва успели отдышаться после безумного бега, как своды каземата потряс тяжкий удар. С невидимого потолка хлынули потоки воды. Заверещали летучие мыши. Кир Дрэкул махнул рукой, на дальней стене осветилась подробная карта империи, нанесенная на кожу белого буйвола. Такой карты я не встречал даже в кабинете отца. Границы известного мира здесь не совпадали с границами нашей великой империи, они простирались гораздо дальше, и странно скручивались, будто края кожи подпалило огнем.

– Смотрите, смотрите... – забыв про разбитое лицо и вывихнутую руку, толстяк Исая указывал на то место, где магическими красками полыхала Таврия. – О, лучше я был бы слеп глазами, чем сердцем!

Треть Херсонеса вздрагивала, полуостров тонул в дыму, горы сменили очертания.

– Над нами море, – Лев Закайя подставил ладонь барабанившим соленым каплям.

– Что же делать? Как нам выбраться? – заозирались солдаты.

– Склавены говорят, что дерево лучше прятать в лесу, – кир Исая стер со лба кровь. – Наверху молодого эгемона ждет проклятие Свитка. Его попытается убить всякий, жаждущий милости императора.

– Значит, нам один путь, – губы некроманта изогнулись змеей. – Нам путь вниз. Туда, где прокляты все.

Глава 10. Свора

Маленькая женщина сбросила шинель, осталась в чем-то свободном, пушистом, перехваченном крест-накрест ремнями. Женьке никто ничего не объяснял, она ухитрилась догадаться, что пушистое было обманчиво мягким, впрочем, нынешним вечером все происходящее казалось нелепым сном. Легким движением Привратник перевернула пустую койку, забросила краем на подоконник, получился трап. У Привратника, при довольно хрупкой комплекции, оказались удивительно сильные руки.

Вестник распахнула дверь в широкий коридор, толкнула туда шкаф. Шкаф опрокинул двоих сторожей, одетых в синее; толстую врачиху выдавило в палату напротив, там она поскользнулась и грохнулась на пол. Дальше все закружилось столь быстро, что Женька едва успевала следить.

– Цесарио, охранять! – рывкнула Привратник.

Цесарио послушно заслонил будущую Вожатую. Хонси взлетел на окно. Пиджак он снял, не как нормальные мужики, через рукава, а просто разорвал по швам. Но лоскуты не попадали на пол, они точно растворились в густой шерсти.

В шерсть, не доверяя зрению, прошептала Женька. Так не бывает, так не может быть, оборотни живут только в сказках, и выходят только при луне!

Взбравшись на подоконник, Хонси отодрал карниз вместе с занавесками, и выдавил плечом двойное стекло. Осколки зазвенели по полу, в палату ворвался ледяной ветер, шум моторов, и почти сразу несколько раз что-то ударило в потолок. Шлепнуло в потолок, в стену, второе окно разбилось само. За миг до автоматной очереди, Цесарио пригнулся. Женьке понадобилось время, чтобы понять – стреляют! По ним стреляли, это совсем не походило на игру. В полуметре от зажатой в углу, пациентки, в графике процедур образовались три дыры, с потолка посыпалась штукатурка. Маленький Глеб окончательно забился под одеяло. Жалобно запищали упавшие медицинские приборы.

– Оракул, трам-па-парам! – произнесла в коридоре Ольга, и еще десяток непонятных слов.

Вестник тычком пальца уложила охранника в синем, шуганула двух медсестер. Второй дядька-охранник позорно бежал, кинув на поле боя резиновую дубинку.

– А ну, стоять. Никому не двигаться. Оружие на пол!

Звякнул открывающийся грузовой лифт, захлопали двери. Навстречу Вестнику, по широкому белому проему коридора, сминая растерянных нянечек, опрокидывая тележки с вечерней кашей, бежали в чем-то одинаковые, тревожные мужчины. Но одинаковые они были не так, как мохнатые парни Привратника, а вполне по-земному, слишком узнаваемо. Даже в том, как они били встречных, кулаками, локтями, наотмашь, словно им не женщины слабые попадались, а чучела, или белье на веревках, даже в этом Женька уловила некий печальный знак, некую связь с грядущей картиной безумия. Привратник, и Вестник, да и ущербный Оракул, они были вовсе не добряки, наоборот – жестокие и злые, но даже в их злобе и жестокости сквозило... благородство. Женечка внезапно обнаружила нужное слово. И почти обрадовалась, потому что требовалось поверить, ведь нельзя не верить тому, кому вручаешь жизнь, пусть даже этой самой жизни осталось не так много. Вручить жизнь, довериться следует тому, кто не ведет себя, как последний хам и сволочь... вот как этот, что бежал первый, с зализанной неприметной физиономией, трясущимися при каждом шаге щеками. Впереди себя он держал какое-то оружие, Женечка не разбиралась в пистолетах и тем более автоматах. Свободной левой рукой он в лицо ударил парнишку, тощенького больного из четвертой палаты, на свою беду вылезшего именно в этот момент. Пацана откинуло назад, острыми лопатками он впечатался в дверь, а обидчик, не глянув, пер дальше, точно взбесив-

шийся носорог... или вожак стаи носорогов. Потому что их было много, как агентов смитов в Матрице, они все валили и валили сразу с двух сторон, с парадной лестницы, и с черного хода. Женька сморгнула, показалось, что носороги никогда не кончатся. Про черный ход Женька догадалась по поведению Ольги, та вертела коротко стриженной седой головой, стоя на полусогнутых посреди коридора, напротив двери. Черный вход осенью запирали на зиму, там на ступеньках курили нянечки, грудой хранились старые кровати, ванны, уборочный инвентарь. Но нападавшие каким-то образом догадались, выломали внизу засовы, и наступали сразу с обеих сторон.

Все очень серьезно, сказала себе Женька, против нас целая армия, а я не могу не то что драться, не могу сама дойти до туалета!

Вестник представляла собой отличную мишень, но, похоже, ни капельки не боялась. Белый парик валялся на полу, из обеих рук росли когти, у подкованных сапог вовсю мельтешил зеркальцами колдовской компас. Дверной косяк разлетелся мелкими щепками, над головой Женьки несколько раз взвизгнуло, посреди коридора схватился за живот и упал боличный охранник.

– Милицию сюда, милиция! – верещала толстая раздатчица с кухни.

– Здание окружено, приказываю прекратить сопротивление!

– Всем лечь на пол!

Ольга крутилась посреди коридора, возле поваленного шкафа, крутилась все быстрее, взмахивая сияющими серпами, ее компас подпрыгивал, едва не раскачивался, желтые линии плясали, вытягивались по стенам. По ней несколько раз выстрелили, Женька краем глаза наблюдала вспышки, но пули Вестнику не повредили.

Привратник невозмутимо поглаживала стража, что-то нашептывала ему в бок, до уха бы просто не дотянулась. Цесарио рос, рос на глазах, разогревался, как печка, и царапал ногтями пол. Зажатая им в угол, Женька только раз посмотрела вниз, на его руки, и с усилием отвела взгляд. С руками Цесарио происходило примерно то, о чем показывают в ужастиках про всяких оборотней. Но одно дело – грызть попкорн в обнимку с пультом, совсем другое – укрываться за спиной человека, который на твоих глазах превращается в...

В кого он превращался, Женечке не слишком хотелось думать.

– Живее! – гаркнули во дворе. – Стрелять без предупреждения! Лестницу на второй!

Во дворе ревел мотор, что-то тяжелое ударило о внешнюю сторону стены. Цесарио присел перед Женькой, словно готовился взять низкий старт. Внезапно она догадалась! – и без лишних слов, не стыдясь нелепой позы, полезла ему на спину. Запрыгнула, видимо, недостаточно высоко, Привратник схватила ее за шиворот и задвинула мужчине почти на затылок, сама шлепнула по выключателю, в палате стало темно.

– На третьем чисто!

– Первый, их здесь нет!

– Эй, сюда нельзя! Помогите... – кто-то вопил этажом выше, в операционном блоке.

– Девчонку не зацепите! Приказано девчонку не трогать!

Вылетели где-то стекла. Оракул в рюкзаке противно хихикал. Видимо, дело свое маленький телепат знал неплохо, – там, снаружи, явно готовились штурмовать окна соседней, девятой палаты. Со двора стреляли наугад, очередью сшибло карнизы, занавески вспорхнули к потолку, пули горохом сыпались в умывальник над клеткой Оракула. Женечка коротко ахнула про себя, представив, как напугались в ближайших комнатах детки.

– Тебе, великая Баст, – воскликнула Ольга.

Атакующие изнутри здания совершили ошибку, две группы бежали по коридору с разных сторон, и потому не могли стрелять в Ольгу без риска зацепить друг друга. За пару секунд женщина раскрутилась, как турецкий дервиш, обернулась бешеным волчком, серпы слились в блестящие восьмерки. Столь же резко седая великанша прервала вращение, при-

села в пружинящей позе, раскинув руки. Женечка охнула, когда голубые серпы сорвались с пальцев Вестника, один, второй, третий, и стало окончательно ясно, что это вовсе не ножи из карманов, а действительно когти, загнутые смертоносные лезвия.

Носороги отшвырнули стол дежурной сестры, покатила разбитая настольная лампа, зашелестели страницы, сквозняк выдул тепло из палат, по полу рассыпались игрушки. В соседнюю палату, в окно просунулось с улицы что-то вроде пожарной лестницы, по ней тоже топали, матерились. На первом этаже кто-то истошно голосил. Женька застыла на полувдохе, мгновения текли бесконечно долго, противный носорог с пушкой сделал два прыжка...

Бежавшему в авангарде башку срезало, словно бритвой. Другому снесло половину черепа наискосок, третьему серп насквозь прошел грудь. Они фонтанировали кровью, но по инерции переступали ногами, валились друг на друга, а вращавшиеся с неистовой скоростью лезвия продолжали в толпе свою страшную работу. Наверняка своре, наступавшей со стороны черного хода, досталось не меньше, за стенкой скулили и хрипели, корпус больницы наполнился грохотом. В палату вкатилась коротко стриженная мужская голова, стукнула о ножку кровати, рикошетом отлетела под ноги Цесарио. Ольга зажала в кулаках рукава, ее качало, с изуродованных пальцев лилась кровь.

– Вестник, уходи, уходи! – тоненьким голоском зывал Оракул.

– Хонси, забери ее! – скомандовала Привратник.

Ольга послушалась. Ринулась в палату, закинула на плечо рюкзак со своим слепым приятелем. Сколько врагов Ольге удалось прикончить, Женечка не вычисляла. Самое печальное – свору удалось лишь ненадолго задержать.

Давя убитых и раненых, враги снова кинулись в атаку. До ближайших зверских рож оставалось не больше пяти метров, когда внутрь палаты вывалилось разбитое окно вместе с рамой, и обрушилось на пустую Дианкину кровать. Хонси, как на пружине, взлетел под потолок. Строгий костюм почти полностью впитался в его новое, мускулистое, вытянутое тело. В пустой оконный проем всунулась штурмовая лестница, по ней стремительно взбирались мужчины в шлемах и бронежилетах.

– Волки внизу... – среди бормотания Привратника прорезались нерусские слова, – Оракул, не жалея их!

Желтое мерцание поползло от компаса во все стороны, выдавливая все, что встречалось на пути. Маленький слепец выкрикивал слова, которых Женечка никогда не слышала, но ей отчего-то казалось – еще чуть-чуть, и она сумеет уловить смысл. Одинаковые парни бежали от ординаторской по натертому полу, а навстречу им катилась тонкая желтая линия света.

Цесарио шагнул, готовясь прыгнуть в окно. Его мышцы дрожали, одежда расползалась по швам. Женьке понемногу стало передаваться азартное безумие, охватившее служителей неведомого храма. Со спины караульного она видела такой знакомый, ненавистный коридор, обычно пустой, тоскливый, но сейчас забитый трупами и ранеными. Недалеко от компаса, скорчившись, лежала медсестра. Лежала, но при этом всю двигалась, ее тащило по полу навстречу армии поддельных полицейских.

– Сударыня, держитесь! Держитесь крепко!

Сейчас компас взорвется, поняла Женька.

Компас взорвался. Молодых людей, уцелевших после когтей Вестника, будто разметало ураганом. Они измазались в пролившейся каше, порезались, и под визгливый смех Оракула копошились в куче, точно спрессованные жуки. Они орали, баюкая сломанные конечности, у кого-то из штанины торчала кость, кто-то разбил голову о батарею. Судя по грохоту и всплеску матерщины, досталось и тем, кто пер со стороны черного хода, и тем, кто лез в окно. Трое в шлемах летели вниз, растопырив руки. Очевидно, Вестник настроила прибор в какой-то особый наступательный режим. Воздушной волной отшвырнуло не только людей,

в коридоре сорвало и унесло двери, плакаты со стен, лампы с потолков. Раздался неприятный хруст, выгнулась и рухнула стена между палатами.

Женьке показалось – в спину со всей силы толкнули громадным надувным матрасом. Приложили так сильно, что едва не сломались ребра, внутри все сжалось. Но в тот же миг, на долю секунды опередив чудовищную воздушную волну, Цесарио сместился в противоположный угол.

Заговорил автомат, по полу в коридоре запрыгала черная металлическая штука, оставляя за собой вонючий дымный след. Из дыма показались трое в противогазах, еще двое протискивались в палату через пролом в стене.

– Оракул, отведи их!

Пока Цесарио распрямлял спину и сгибал ноги для прыжка, мимо Женьки пролетел кусок толстой двери с петлями, изрешеченный пулями.

– Первый, я Шестой, девчонка здесь!

– По ногам работать!

Хонси очутился на потолке. У Женечки что-то случилось со зрением, ее снова затошнило, сотней игл прострелило руку, которую недавно царапал Оракул. К штучкам коварного слепца предстояло еще привыкнуть, а Женька почти не сомневалась, что фокус со зрением устроил именно он. Оракул забавлялся, и как радушный, нетрезвый хозяин приглашал ее повеселиться вместе с ним. Веселиться Женьке вовсе не хотелось, но деваться было некуда. Одно долгое мгновение, пока Оракул не отпустил ее мозг, девушка видела происходящее сразу с нескольких ракурсов.

Хонси висел на притолоке, распластавшись в порванных брюках. Мужчины в противогазах, в бронежилетах и высоких шнурованных ботинках поднимали лица и стволы. Привратник, отвернувшись, как сварщик, собирающийся работать без маски, поднимала руку с каким-то тяжелым предметом, похожим на лохматый мяч.

– Сударыня, держитесь! Закройте глаза, прижмитесь!

Не слишком доверяя своим немощным конечностям, Женька вцепилась в воротник мокрого шерстяного пиджака, но пальцы промахнулись мимо ткани, ладони окунулись в густую жесткую гриву. Почти не целясь, она нащупала в этой гриве широкий ошейник с удобными петлями для рук, лямки сами затянулись, другие лямки, где-то внизу, закрепились вокруг щиколоток. Совершенно неожиданно для себя, Женечка... заурчала от удовольствия.

Вот оно, вон оно, главное, о чем не успела нашептать сбита машина бабушка, «чокнутая» старуха, упорно не желавшая умирать, пока ей не привезут внучку! Наверняка бабуля собиралась поведать внучке про перо и чернильницу, про то, что мир вовсе не таков, каким кажется, и про то, что исцелять припадочных и гадать на картах – вовсе не главное предназначение женщин из рода Бергсон...

Женьке не понадобилось зрение, чтобы видеть то, что видел слепой Оракул. Хонси летел вниз, по-кошачьи, не скрывая уже своего естества. Левой лапой он подцепил за шлем ближайшего мужика в бронежилете, небрежно швырнул его в умывальник, в зеркало. Зеркало прыснуло осколками, кафель треснул, из свернутого набок крана ударила струя воды. Второй десантник, или кто он там был, стрелял в Привратника, пули колотили в ее свободный мягкий свитер, но или не могли пробить, или женщину защищало что-то кроме пушистой шерсти. Под одеждой шевелилось что-то живое, словно распрямлялся спасательный плот, он вползал с ее живота, с груди, по свободному рукаву. И вдруг стало ясно, что хрупкая женщина держит в руке вовсе не рваный лохматый мяч, а чью-то голову, но голова эта вовсе не оторвана от змеиного тела, которое тянется дальше, обвиваясь под свитером вокруг локтя и вокруг плеча, и неизвестно, какой длины достигал гад, и как он там доселе помещался.

Ольга запрыгнула Хонси на плечи.

Привратник вытянула руку.

Перед тем, как вылететь с третьего этажа, Женечка последний раз оглянулась. Вестник сидела верхом на Хонси. Его волосатые конечности на полметра торчали из рукавов, лобастая голова опустилась вниз...

Выходим из комнаты наружу? Будто другой уровень?

Цесарио мяукнул, и сиганул в окно.

Глава 11. Спасенный день

Вход в пещеру весталок загораживала решетка из живых змей. Сразу за решеткой откуда-то сверху потоком лилась морская вода. В соленых струях раскачивались толстые цепи. На этих цепях не так давно в пещеру спустили жертвенного быка. Кир Дрэкул свистом прогнал змей. Стражники подняли факелы. Над нами темнело устье колодца, его стенки обрушились. Быка нигде не было видно, на скользких ступенях валялись обрывки веревок.

– Тихо, кто-то идет!

Мы замерли с оружием в руках. Снизу, отплевываясь, взбирался куропалат Варда. Я его еле узнал, начальник стражи походил на сморщенный гранат. Казалось, он постарел на два десятка лет. Узнав меня, куропалат бессильно оперся на стену.

– Молодой эгемон, девы ждут тебя. Они приняли жертву, но велели передать, что истина – дочь времени. Скорее...

С меня сняли доспехи, сунули в зубы кожаную рукоять плетки и собрались завязать глаза.

– Прежде чем наш дука Мануил войдет в чертог невинности, все должны принести ему присягу, – остановил придворных Лев Закайя.

Он был прав, мой верный наставник. Я не мог повернуться спиной к людям, в душах которых таилась тень сомнений. Все преклонили колени, я пересчитал своих выживших слуг. Немного их осталось, но как изрек мудрец, лучше держать пять оболлов в руке, чем десять ждать. Наставник Исая, друнгарий Лев, юный звездочет Симон, ученик некроманта Николау, куропалат Варда, четверо палатинов, имен которых я не знал, и...

Я не мог верить своим глазам. Позади мужчин со свертком в руках стояла кирия София, наставница и ближайшая подруга моей матери. Ее платье превратилось в грязные тряпки, волосы висели спутанными веревками, нежные ступни кровоточили. Как она сумела догнать нас? Я раздвинул строй мужчин и заглянул в сверток, хотя и без того знал, что там увижу. Уцелевшая частица родной крови, сестра Елена смотрела на меня огромными глазами моей матери.

– Спасибо за мою сестру, кирия, – я снял рубиновый перстень с фамильным гербом Закайя и надел на палец отважной женщине. Она склонилась, чтобы поцеловать мне колени, но я не позволил. Вместо благодарности я попросил ее оторвать кусок платка. Этим обрывком мне завязали глаза.

– Будь честен и почтителен с девами, – прошептал мне в ухо колдун, и мои ноздри впитали пряный нежный дух. Дрэкул обратился в свою женскую ипостась.

Я долго спускался вниз, трогая левой рукой шершавые камни. Потом моя рука провалилась в пустоту, стало теплее, по ногам скользнули змеи, охранявшие нижний чертог. Кто-то взял у меня изо рта плетть. Бесцветный плоский голос приказал лечь на плаху. Я нагнулся и ударился грудью о камень. Плетть свистнула, но с первым ударом я не ощутил боли.

– Мы можем навсегда сменить твою личину, юный эгемон. Ты получишь столько золота, сколько унесут твои слуги. Ты увезешь сестру в страну вашей матери, ты станешь там царем. Ты хочешь этого?

– Нет.

От следующего удара воздух застрял в моей груди.

– Мы можем нагрузить десять кораблей шелком Поднебесной и янтарем фризмов. Ты отправишься в Золотой Рог и займешь место подле пурпурных сапог императора. Ты хочешь этого?

– Нет.

Коротко свистнула плеть. Я думал, что привык к боли, но сердце мое едва не остановилось. В ноздри мне впивался жаркий аромат разорванной бычьей печени.

– Тогда чего ты хочешь, сын жестокого стратига? Ты хочешь отомстить?

Они ждали, вещие создания, променявшие женское естество на право плести паутину неродившихся дней. Я попробовал пошевелиться. Мне казалось, что ладони и ступни врастают в прокисший известняк.

– Нет, я не хочу никому мстить...

Удара не последовало.

– Даже коварному варвару, отнявшему у тебя мать? Даже самому багрянородному, подсылавшему к тебе убийц?

Меня передернуло, но не от удара плетью. Впервые вслух было сказано то, что робел признать даже Андрус Закайя.

– Я найду вождя, но не ради мести. Если старец так боится Свитка Проклятых, значит, он знает, где искать. Если понадобится, я вырву тайну у самого императора.

Они кружили вокруг меня, бесплотные тени, обитавшие одновременно во вчера и завтра. Сквозь грохот собственного сердца я слышал, как стучит веретено. Прохладная рука в мелкой кольчужной перчатке легла мне на затылок. Внезапно в полном мраке мне открылась яркая правда. Весталок не занимало, погибнет в пучине Херсонес, или вся Таврия, или даже волны сомкнутся над куполами Золотого Рога. Мой внутренний взор туманился, уставшие глаза слезились, а девы легко различали дали за гранью сущего.

– Зачем тебе Свиток, юный эгемон? Все, кто искал его до тебя, отступились. Разве не учили тебя, что несчастен лишь тот, кто не умеет переносить несчастий? Разве не учили тебя, что только Спаситель может вдохнуть счастье и мир в мировое яйцо?

Их голосами можно было резать сталь, но я все же уловил насмешку.

– Я не верю, что мир заперт в яйце. Я не верю, что края мира безнадежно осыпаются.

– Зачем тебе Свиток, юный эгемон? – прошамкала другая старуха. – Ты даже не знаешь, что это такое. Мы можем наполнить твой век покоем и довольством. Проклятия часто не сбываются, ты молод и легко повернешь руль судьбы.

– Нет, это неправильно... – я задумался. Каюсь, сомнение качнуло меня. Десять или всего лишь пять лет спустя благоразумие могло победить. Но судьба не подарила мне пяти лет взросления, делать выбор пришлось мальчику. Какой выбор мог сделать сын властителя фемы?

– Меня зовут Мануил Закайя, – с гордостью напомнил я. – А безопасное плавание случается лишь на корабле, вытасченном на берег.

Веретено застучало громче. Послышалось беззубое чавканье, кто-то глотал бычью печень.

– Мы не можем показать тебе, где искать то, что не видел никто из живых. Но мы покажем, как его искать. Взамен ты отдашь нам свою сестру Елену и четыре года твоей юности. Четыре года замечательной крепкой паутины...

Прежде чем я успел выкрикнуть слова проклятий, пятихвостая плеть стегнула меня по ребрам. Дыхание вернулось ко мне вместе с ковшом ледяной воды.

– Ты испугался, юный эгемон? – издевательски спросила темнота. – Паутина готова, мы вернем Иллирус на одну ночь назад. Твой отец будет далеко, тебе придется выводить людей на перевал. Теплая вода встанет на дыбы, но соль не расплавит снегов. Ступай и служи дальше своему императору!

Теплая вода, вспомнил я. Старый волхв не ошибся, ласковое море явилось на сушу, чтобы забрать меня.

– Нет! – я рванулся с плахи, на которой тринадцать лет назад склонял выю мой отец. – Теперь я понял, чего вы добиваетесь! Вы думаете, я еще мал, и легко могу спутать зло с

жестокостью? Мой отец жесток, но не зол, иначе он сам кинул бы меня гарпиям. Если Свиток берегут гады, готовые утопить мою цветущую Таврию, я вырву их ядовитые зубы! Берите мою сестру.

Я сам принес им теплый сверток, и в последний раз поцеловал родные глаза матери. Сестра заплакала, когда старуха, с ног до головы зашитая в кольчугу, взяла ее на руки. Мое сердце застряло в глотке. Я едва не рванулся следом за девочкой, но вовремя вспомнил о тысячах невинных, которых завтра захлестнет волной. Если я спутаю зло и жестокость.

Гадальщица положила ладонь мне на затылок. Сестры снова закружились в хороводе, каждая успевала вдохнуть мне в ухо крупицу будущего.

... Отдай Паучихе четвертую часть памяти, но не бери взамен ничего, что можно унести в руках...

... Отдай Мастеру Огня украденное, но не бери взамен ни первую, ни вторую кожу...

... Отдай богачу с разноцветными глазами самое ценное, что есть, получишь горячие ножны для клинка...

... Самое желанное принесет тебе самую большую боль...

... Ты благороден и смел, мы подарим тебе ожерелье с четырьмя узлами, каждый длинной с молитву Клодо, пряжи человеческих судеб...

... Берегись жарких ножен, бойся ту, что познала смерть.

Шептали старушечьи губы снаружи от моего уха, или кто-то нашептывал изнутри? Известно, что слова пифий нельзя выкладывать арканами, крупные слова к крупным, гладкие – к гладким, а совсем чуждые – в отдельный ящик. Кто так поступает, рискует увязнуть в поисках смысла жизни, которого нет. Я не искал удачный аркан, зато я увидел, как надлежит действовать, и кому суждено разделить со мной дорогу.

Когда я поднялся, мне в руку вложили нечто острое, твердое и странное по форме. Завернутое в тряпицу. Осколок, вспомнил я. Отец приказал Дрэкулу отдать мне осколок. Но что это? Откуда? И как им пользоваться?

Я вернулся наверх. В испуге отшатнулись те, кто совсем недавно принес мне присягу. Но причина их страха оставалась мне непонятна, пока кир Дрэкул не подвел меня к зеркалу. Это было одно из восьми ртутных магических зеркал, расставленных по восьми углам залы Обращений. Именно в этой зале тринадцать лет назад некроманты вырастили стратегию Закайе новую руку. Я спускался сюда не раз, внимая темному учению, после чего всякий раз долго отогревал в терме окоченевшие члены. Зеркала имели много тайных свойств, но без нужных заклятий просто отражали мрак. Кир Дрэкул подвел меня к отражению и зажег черные свечи.

Губы потеряли младенческую пухлость, отцовский смуглый лоб прорезали морщины. Над яркими черными глазами, подаренными моей матерью, выросли густые брови. Кудри стали жесткими, на узких скулах заколосилась щетина. Валахские детские латы порвались на куски, как и детские сандалии. Зато на шее обнаружилось волосяное ожерелье с четырьмя жесткими узелками. Весталки не обманули, выпили несколько лет моей жизни, но подарили четыре клочка времени. Ростом я почти догнал друнгария Закайю, а шириной плеч сравнился с куропалатом Вардой. Мышцы сводило судорогой от нерастратченных сил. Прежде чем горький гнев омрачил мне мысли, я вспомнил две строки, прочитанные дукой Закайя задом наперед. Весталки перехитрили смерть, в один миг даровав мне совершеннолетие.

– Смотри, кир, что это? – я развернул полотно.

Дрэкул впрочем, почти сразу накинуд ткань обратно и велел спрятать подарок под доспехом. Немного я успел рассмотреть. Но более странного куска металла доселе не держал в руках. Хотя вдруг это был не металл? По ровному краю тянулись незнакомые письмена, словно вдавленные в серый блеск. С другой, вогнутой стороны... мне показалось, там имелось тиснение с цифрами, какими пользуются на востоке...

– Ты помнишь, эгефон, рассказ про кобольдов, что живут в горах, и роют самые глубокие шахты?

Конечно, я запомнил. Про то, что однажды кобольды наткнулись на нечто, лежащее ниже земной тверди. Я запомнил фразу, но как ни старался, не мог удобно разместить ее в голове. Как можно найти нечто более твердое, чем твердыня мира?

– Этот осколок стоил твоему отцу целое состояние, – прошептал некромант. – Говорят, их несколько. Кобольдам за месяц работы удалось отколоть лишь пару смешных кусочков от изнанки мира. Но потом... скорее всего, архонты земли заметили пропажу, оскорбились, и обрушили шахты вместе с шахтерами... Но нам пора наверх, командуй, мой господин!

– Отодвиньте камень! – приказал я, и не узнал свой голос.

– Но, эгефон... над нами море... – пропищал начальник стражи.

– Над нами солнце! – я оттолкнул труса и сам взялся за рычаги.

Громадная плита скользнула в сторону. Вместо морских гадов нас приветствовал солнечный луч. Мы выбежали в нижний двор, в кипящее буйство орхидей. Мраморные тритоны разевали пасти, заливая бассейны розовым вином. Неколебимо возвышались статуи Августов. Четыре башни Иллируса царапали знойный небосвод. Встречные расступались, со страхом озирая наши грязные одежды. Меня не узнавали. К наставникам подбежал измученный вестовой, – оказывается Андрус Закайя ускакал в Херсонес, он все утро искал своего сына и свою дочь. Ласточки утром не вернулись в гнезда, рыбачьи сети не принесли рыбы, море отступало.

Весталки держали слово, мы выиграли ночь.

Я приказал ударить в било и трубить общий сбор. Никто не посмел ослушаться. Водяные часы не отмерили и получаса, как сотни вестовых, все свободные смены палатинов отправились в прибрежные города и деревни. Я сам взломал отцовский кабинет и ставил печать стратига на красных свитках. Кир Дрэкул и друнгарий Лев берегли мою спину с обнаженными клинками. Добрейший толстяк Исаяя копался в кладовых, подбирая себе подходящий панцирь. Только их троих, моих верных друзей и наставников, весталки разрешили взять с собой. Когда дворы Иллируса опустели, я повелел конюшим вывести из подвалов мантикор и выпустить на свободу своры крылатых хищников, сотни лет защищавших бастион. Мы четверо стояли на башне и наблюдали, как бесконечными извилистыми ручьями тянутся навстречу снегам караваны повозок. Люди гнали скот, везли на телегах крашенных истуканов, снесь и пожитки, пыль вздымалась под копытами табунов. Были и те, кто не поверили. Многие в порыве глупой жадности не покинули свои виноградники, масляные прессы и сыроварни.

– Что сказали весталки? – наставники дали понять, что не отступят, пока не получат ответ. Они были правы, мои верные друзья. Когда я рассказал то, что вспомнил, мужи переглянулись.

– От жребия богов не скроешься, – сказал за всех кир Исаяя. – Мы можем бежать в разные стороны, но останемся на равной дистанции от смерти.

Едва бастион тряхнуло, стены лабиринта дрогнули, как щупальца сухопутного спрута.

– Нам пора, эгефон, – сладчайшим голосом пропел кир Дрэкул. – Очевидно, пришел день, когда каждому надлежит исполнить долг. Мой долг – подарить тебе новую кожу. Я знаю, где ее взять.

Глава 12. Игра в четыре лапы

Цесарио рыкнул, две пули угодили ему в бедро. Женечка ощутила, как он дернулся. Но не упал, а широкими прыжками понесся по железному карнизу, вдоль освещенных окон кабинетов. Снизу открыли шальную стрельбу, Привратник всхрипнула, прошипела ругательство. Позади с хрустом лопнула вторая рама. Первым наружу вылетели двое в бронежилетах, приземлились на головы стрелявшим, затем видимо кто-то главный, в костюме и галстук. Наверное, ему было уже все равно, сколько метров до земли, потому что его голова висела набок. У живых так не бывает.

Следом за ними вырвался Хонси с Ольгой на заливке. Караульный почти потерял человеческий облик, Женька невольно залюбовалась – горб распрямился, мышцы играли, как у настоящего тигра, спина в ошметках костюма удлинилась вдвое. Зверь передвигался на трех ногах, или точнее – лапах. За заднюю левую лапу цепко держался молодой человек в боевой экипировке, потерявший где-то шлем. Этот был вполне здоров, бился головой о карниз, и вдобавок махал свободной рукой, пытался ударить Хонси ножом. Внизу, на дорожке, возле штурмовой лестницы, трое лежали ничком, другой пихал в автомат новый рожок. Из штанины у него торчала кость.

Это никакая не милиция, решительно сказала себе Женя. Если дежурная сестра и вызвала ментов, то даже самые психанутые из них не открыли бы стрельбу в больнице!

Обрушив вязанку сосулек, Цесарио свернул за угол. Там под козырьком переминались, притоптывали снег трое в гражданском; наверняка им приказали стрелять на поражение, но не уточнили, что целить придется в трехметровую мохнатую тварь в галстук, и с двумя женщинами на спине. Пока охотнички разевали рты, Цесарио одолел карниз, перескочил моток колючей проволоки на крыше котельной, и опять свернул за угол, уже по карнизу инфекционного корпуса.

Здесь бесновалась пурга. Женьке физиономию мигом залепило снегом, скулила она, не переставая, но ноги при этом судорожно сжала, обхватив горячие мускулистые бока чудовищного кота. Конечно, ее нес родственник кошачьего племени, как можно сразу не догадаться? Какой зверь, кроме кошки, мог так свободно носиться по карнизам? Сердце колошматило в ребрах. Цесарио сделал прыжок, притормозил возле пожарной лестницы. Женя оглянулась, на всякий случай ощупала зубы.

Стрельба затихла. За углом первого корпуса открывался вид на хозяйственный двор, крыльцо приемного отделения и клумбу, вокруг которой обычно разворачивались машины «скорой». Нынче целых три «скорых» не могли проехать в ворота, потому что, у клумбы, загораживая расчищенный проезд, пыхтели моторами большие черные машины. На одной крутилась мигалка. Водитель «скорой», встав на подножку, махал рукой и ругался. Фельдшеры, погрязая в снегу, тащили из приемного бокса носилки, отчаявшись отогнать внезапных гостей. Над всей этой картиной нелепой радугой раскачивалась новогодняя гирлянда.

Женя угадала марку первого авто – это был высокий угловатый джип-«Мерседес», а та, что с мигалкой – растилалась плоско, словно хищный скат. И снова, наверняка под действием Оракула и его ладошки, ее зрение раздвоилось. Девушка наблюдала в деталях, как тает снег на горячих капотах, как лениво скрипят дворники, как блестит внутри салонов дорогая кожа.

Но стоило слегка сморгнуть... и плоская крыша джипа вдруг на метр приподнялась, по краям ее возникли низенькие перильца, а по углам замерцали рожковые газовые фонари. Толстые колеса вытянулись вверх, истончаясь, теряя протектор, взамен приобретая сверкающие спицы. Отчетливо стала видна бронзовая каретная подножка с подушечкой и кистями, а вместо глянцевого капота вылезло бархатное сиденье кучера. И сам кучер... точнее, его

широкополая войлочная шляпа, скрывающая все, кроме загнутых носков сапог. Кучер был в кожаных крагах и держал вожжи, но, сколько Женька ни тянула шею, она никак не могла заметить, что за лошади запряжены в экипаж. Мешала мохнатая голова Цесарио и широкий карниз.

Зато она отлично заметила, как шевельнулась плотная портьера на окне кареты, кто-то выглянул наружу, дал короткий приказ кучеру. Сидевший в карете первый заметил беглецов, и Привратник это тоже поняла. Потому что, еще до того, как кучер повалился на спину, выдергивая из-под мышек две железные штуковины, еще до того, как сверху, с конька крыши посыпался кирпич, Привратник прижала Женькину голову вниз, и выпустила, на сей раз из левого рукава старинный длинноствольный пистоль. Пистоль показался Женечке очень красивым – с блестящими курками, шомполом и золотой насечкой на костяной рукояти. Из таких кремневых громадин в кино пуляли мушкетеры.

Привратник сделала всего один выстрел. В тот же миг Цесарио напрягся и метнулся вправо, в страшную пустоту, прямо над больничным сквериком. От грохота у Женьки в ушах зазвенели колокола. Она не видела, куда попала Привратник, но с черной каретой произошло что-то непонятное. Во-первых, она снова стала самым обычным «Брабусом». Во-вторых, джип покрылся мириадами серебряных пузырьков, осел, потерял форму, снег вокруг вскипел, обнажилась земля. Широченная клумба съезжилась, вторая машина встала на дыбы, точно сжимаемая по бокам невидимым прессом. Решетка забора, вместе с воротами и кирпичной будочкой пропускного пункта, рывком придвинулась к дверям приемного покоя. Гаражи хоздвора накренились, поползли, вспахивая фундаментами мерзлую землю. Пространство словно скручивалось юлой, двор проваливался в никуда. С крыши корпуса градом сыпались кирпичи, куски железной крыши, лопались стекла. Казалось – еще чуть-чуть, и четырехэтажное здание тоже рухнет в центр воронки. Пару секунд в этом месиве угадывалась половина туловища то ли кучера, то ли шофера. Он продолжал бесшумно стрелять вверх, пока его не накрыло обломками.

Пролетев метров десять, кот приземлился на крышу трансформаторной будки. Позади раздался вопль. Хонси отшвырнул, наконец, упрямого бойца, молодой человек по инерции головой и всем туловищем шмякнулся о кирпичную стенку гаража. Больше он не кричал.

Привратник развернула зверя. Оскалившись, повела пистолем по окнам третьего этажа. Из окон второго вперемешку валили клубы дыма и цементной пыли. Женька, раскрыв рот, следила за манипуляциями Привратника. Неужели эта сумасшедшая угробит всех детей? Женечка уже не сомневалась, что у той в руке вовсе не дряхлый музейный экспонат, а нечто совершенно иное, лишь притворившееся неуклюжим дуэльным оружием.

– Привратник, в карете был один из ночных, – сообщила запыхавшаяся Ольга.

– И как всегда, сбежал, – скривилась та. – Скорее, они взяли след, теперь своего не упустят!

Кажется, из окна больницы по ним выстрелили еще несколько раз, из обычного оружия, но промахнулись. Следующим прыжком коты преодолели забор. За забором урчал серый автобус с зарешеченными окнами, в него бегом возвращались люди с автоматами. Женьку их поведение не успокоило, а напротив – насторожило. Как-то не верилось, что они просто так сдались. Скорее всего, вовсе не сдались, а получили новый приказ. А тот, кто отдавал приказы, он нисколько не жалел живую силу, зато экономил время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.